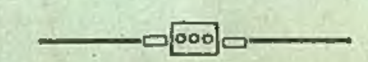
А. В. Марковъ.

ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ РУССКИМИ И МОРДВОЮ

ВЪ ИСТОРІИ И ВЪ ОБЛАСТИ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ,

въ связи съ вопросомъ о происхожденіи великорусскаго племени.

Съ приложеніемъ свидѣтельства персидскаго географа X в. о племенахъ Буртасъ и Бердасъ и пѣсенъ обрусѣвшей Мордвы Нижегородскаго уѣзда.

———◦◦◦———

(Оттискъ изъ I кн. „Извѣстій Т. В. Ж. Курсовъ“)

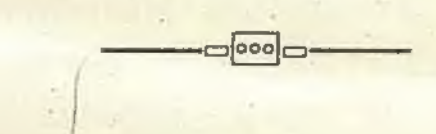
ТИФЛИСЪ.
Типографія Канцеляріи Намѣстника Е. И. В. на Кавказѣ.
1914.

А. В. Марковъ.

ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ РУССКИМИ И МОРДВОЮ

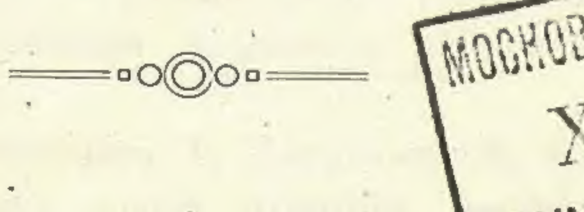
ВЪ ИСТОРІИ И ВЪ ОБЛАСТИ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ,

въ связи съ вопросомъ о происхожденіи великорусскаго племени.

Съ приложеніемъ свидѣтельства персидскаго географа X в. о племенахъ Буртасъ и Бердасъ и пѣсенъ обрусѣвшей Мордвы Нижегородскаго уѣзда.

(Оттискъ изъ I кн. „Извѣстій Т. В. Ж. Курсовъ")

ТИФЛИСЪ.
Типографія Канцеляріи Намѣстника Е. И. В. на Кавказѣ.
1914.

2007041702

Отношенія между русскими и Мордвою въ исторіи и въ области народной поэзіи, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи великорусскаго племени.

А. В. Маркова.[1]

I. Постановка вопроса.

Вопросъ объ отношеніяхъ между русскими и Мордвою связанъ съ другимъ, болѣе общимъ этнографическимъ вопросомъ—вопросомъ объ образованіи великорусской народности.

Наука, которая наиболѣе точно могла бы установить расовый составъ великоруссовъ, которая могла бы опредѣлить процентъ финской крови въ великорусскомъ населеніи, есть антропологія. Къ сожалѣнію, антропологія Россіи такъ недостаточно разработана, что, по признанію наиболѣе видныхъ русскихъ антропологовъ, не рѣшены еще такіе кардинальные вопросы, какъ вопросъ о томъ, имѣли ли славяне, давшіе языкъ великорусской народности, широкоголовый или длинноголовый типъ. На такіе вопросы, по словамъ г. Чепурковскаго, «могутъ дать отвѣтъ не сравненія по 10 случайно выбраннымъ признакамъ (сравненія, до сихъ поръ еще бытующія въ русской антропологіи), которыя отождествляютъ его то съ черемисомъ и калмыкомъ, то съ молдаваниномъ, а детальное изученіе его географическаго распредѣленія и сравненіе съ другими племенами, сопоставленіе данныхъ антропологіи и современнаго географическаго распредѣленія *элементовъ* русской народности съ данными археологіи, этнографіи, хорографіи, т. е. названій мѣстностей.

«Именно у насъ, замѣчаетъ г. Чепурковскій, на окраинахъ того моря, по которому катились волны народовъ, могутъ быть разрѣшены эти вопросы, можетъ быть установлена связь между біологической на-

[1] Въ первоначальномъ видѣ содержаніе этой работы было доложено въ 1910 г. на засѣданіи Этнографическаго Отдѣла О. Л. Естествознанія въ Москвѣ; въ переработанномъ видѣ та же статья была сообщена на засѣданіи Общества Этнографіи, Исторіи и Языкознанія, въ Тифлисѣ, въ 1913 г.

укой о человѣкѣ и исторіей. Отъ этой связи обѣ науки только выиграютъ» [1]).

Въ настоящее время такое, крайне необходимое, параллельное изученіе расы, исторіи и языка находится въ зачаточномъ состояніи.

Ключевскій въ своемъ Курсѣ русской исторіи далъ попытку отвѣтить на вопросъ о взаимодѣйствіи Руси и восточныхъ финновъ. A priori онъ допускаетъ участіе финскаго племени въ образованіи антропологическаго типа великорусса, старается опредѣлить вліяніе финновъ на измѣненіе древне-русскаго говора, на народные религіозные обычаи и повѣрья и, наконецъ, на классовый составъ общества.

Блестящая лекція Ключевскаго о происхожденіи великорусскаго племени носитъ слишкомъ апріорный характеръ для того, чтобы признать вопросъ исчерпаннымъ хотя бы въ общихъ чертахъ. Другую попытку синтеза далъ проф. Д. Н. Анучинъ въ своей статьѣ «Великоруссы» въ Энциклоп. словарѣ Брокгауза.

Статья Анучина полна пожеланій и знаковъ вопроса. Авторъ констатируетъ крайне недостаточную разработку археологіи центральной Россіи, недостатокъ работъ по этнологіи, которыя могли бы свести къ общимъ выводамъ разрозненныя этнографическія работы. Нерѣдко знаки вопроса Анучинъ ставитъ и по отношенію къ антропологическимъ даннымъ, по отношенію къ той области изученія Россіи, въ которой онъ самъ сдѣлалъ немало.

Въ настоящее время можетъ быть нарисована такая общая картина смѣны народностей въ области теперешней Великороссіи. Въ древнѣйшихъ курганахъ, съ остатками культуры каменнаго и костяного вѣка, со слѣдами бронзоваго, найдено длинноголовое населеніе. По мнѣнію Анучина, эти долихоцефалы были не финнами: это была раса, сохранившаяся до сихъ поръ за Уральскимъ хребтомъ. «Современные вогулы и остяки, говоритъ Анучинъ, дѣйствительно, выказываютъ преобладаніе долихоцефаліи, и въ этомъ отношеніи довольно рѣзко отличаются, какъ отъ своихъ сосѣдей, самоѣдовъ, такъ и отъ пріуральскихъ, поволжскихъ и прибалтійскихъ финновъ».

Вогулы являются потомками древней югры, языкъ которой не былъ понятенъ пермякамъ («Печерѣ»), давшимъ югрѣ названіе «Дикой» (зыр.-перм. jogra—дикій), и, вѣроятно, еще не принадлежалъ къ

[1]) Е. Чепурковскій, О классификаціяхъ человѣческихъ расъ и нѣкоторыхъ задачахъ антропологіи въ Россіи: «Естествознаніе и Географія» 1912, № 2.

семьѣ финноугорскихъ языковъ. Югра жила въ XI в. еще въ каменномъ и костяномъ вѣкѣ и не имѣла денежныхъ единицъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтопись: «Молвять—и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, ли сѣкиру, и они дають скорою (мѣхами) противу».

Нѣкогда эта охотничья раса жила и въ предѣлахъ Европейской Россіи. До сихъ поръ крестьяне Архангельской губерніи называютъ «чудскими стрѣлками» находимые ими каменные наконечники стрѣлъ. Сѣверныя преданія говорятъ о томъ, что чудь не умѣла строить домовъ и жила въ ямахъ, землянкахъ. И преданія, и пѣсни характеризуютъ чудь какъ «бѣлоглазую», т. е. со свѣтлыми глазами. Въ представленіи крестьянъ чудь, съ одной стороны, нѣчто страшное,—чудью пугаютъ дѣтей; съ другой стороны, она рисуется глупой. Вспомнимъ литературное слово «чудакъ».

О томъ, что чудь говорила не на какомъ-либо изъ финскихъ языковъ, свидѣтельствуютъ преданія зырянъ, вотяковъ и лопарей, отличающія чудь отъ этихъ народностей. Лопарск. tschutte, tschudde означаетъ «врагъ, разбойникъ» [1]). По словамъ проф. Виклунда, это слово «употребляется прежде всего (и во многихъ сбластяхъ исключительно) для обозначенія жившихъ въ окружности разбойниковъ древности, о которыхъ часто говорится въ сказкахъ и которые, несомнѣнно, принадлежали къ другому племени, не лопарскому. Лопарское слово, продолжаетъ Виклундъ, исконно и не можетъ быть ни въ коемъ случаѣ заимствованіемъ отъ русскихъ... Точно также и русское слово (чудь) не можетъ быть признано заимствованіемъ изъ лопарскаго. Въ такомъ случаѣ, оно могло быть заимствовано обѣими сторонами отъ какого-нибудь вымершаго чудскаго народа и составляло настоящее названіе этого послѣдняго» [2]).

Чудь сѣверныхъ преданій не слѣдуетъ смѣшивать съ исторически извѣстною чудью, предками теперешнихъ эстонцевъ. Быть можетъ, упоминаемая въ начальной лѣтописи Заволоцкая, т. е. Двинская Чудь, впослѣдствіи истребленная, представляла собою остатокъ когда-то широко распространенной расы. Память о той же расѣ сохранилась въ староболгарскомъ словѣ *щудъ*, *щудовинъ*—великанъ, исполинъ (отсюда

[1]) Впрочемъ, такъ же лопари называютъ финляндцевъ и кореляковъ.

[2]) Цитата взята изъ статьи проф. Погодина «Къ вопросу о древнемъ населеніи нашего Сѣвера, лопаряхъ и чуди»: Ж. М. Нар. Пр. 1912, ноябрь, стр. 107.

прилагательное *щудовскъ*) [1]), которое въ русскихъ рукописяхъ иногда передается въ формѣ *чюдъ, чюдовинъ* [2]).

Слово *щудовинъ* прибавляетъ еще одинъ новый признакъ къ характеристикѣ этой расы: очевидно, она отличалась высокимъ ростомъ.

Финны представляютъ собою второй слой населенія, смѣнившій длинноголовую расу. Финская раса ближе къ славянской, нежели къ расѣ древнѣйшихъ кургановъ. Могильники, заключающіе въ себѣ остатки финновъ, нѣсколькими столѣтіями еще предшествуютъ эпохѣ разселенія славянъ. Это—болѣе коротко-головая раса, довольно низкаго роста. Среди современныхъ финновъ къ высокорослымъ племенамъ относятся корелы, эстонцы и ливонцы, къ крайне малорослымъ—лопари и пермяки (зыряне).

Въ нѣкоторомъ соотношеніи съ этимъ наблюденіемъ стоитъ фактъ, обнаруженный послѣдними работами антропологовъ.

«Не только по росту, но въ особенности по формѣ головы и цвѣтности населеніе Европ. Россіи обнаруживаетъ опредѣленные центры проявленія крайнихъ формъ. На западѣ, въ области Смоленска и Валдая, обитаетъ въ чистомъ видѣ позднѣйшій пришелецъ—широкоголовый блондинъ, а къ юго-востоку онъ постепенно переходитъ въ другой типъ—болѣе длинноголоваго темнаго рязанца, представляющаго, повидимому, остатокъ того первобытнаго финскаго населенія, которое здѣсь обитало до разселенія славянъ и ассимилировано современнымъ великоруссомъ. Дѣйствительно, многія финскія племена и понынѣ имѣютъ тѣ же черты, но въ сильнѣйшей степени. Въ муромскихъ лѣсахъ сохранился вмѣстѣ съ первобытными формами быта и этотъ первобытный типъ. Точно такъ же въ лѣсахъ и болотахъ Полѣсья, быть можетъ, сохранился въ чистомъ видѣ тотъ новый пришелецъ, который оттѣснилъ финна» [3]).

Такимъ образомъ, славяне, разселяясь въ области, занятой ранѣе финнами, смѣшивались съ послѣдними. Это обстоятельство явствуетъ изъ слѣдующаго любопытнаго факта, замѣченнаго антропологами. Когда смѣшиваются двѣ расы различнаго роста, въ результатѣ получается населеніе разнообразное въ данномъ отношеніи. Дѣйствительно, въ губерніяхъ Новгородской, Ярославской, Костромской и Владимірской

---

[1]) Тихонравовъ, Памятники отреч. лит. II, 271.

[2]) См. у Срезневскаго, слова *волотъ, щудъ*. Отъ слова *чудь* извѣстны формы *чудинъ, Чудинцево, Чудиново.*

[3]) Чепурковскій, указ. статья.

обнаружено большое разнообразіе ростовъ, указывающее на сложеніе населенія этихъ губерній изъ людей, относящихся къ двумъ типамъ неодинаковаго роста. Присутствіе двухъ расовыхъ типовъ въ современномъ населеніи трехъ послѣднихъ губерній подтверждается сравненіемъ пропорцій туловища, головы, цвѣта волосъ и проч. Высокорослый крестьянинъ здѣсь имѣетъ чаще сѣрые глаза, низкорослый—каріе. Первый типъ можетъ считаться славянскимъ, второй—финскимъ: послѣдній ведетъ свое происхожденіе отъ обрусѣлаго финскаго населенія,—вѣроятно, мерянскаго.

Мы видѣли, что пермяки (зыряне) относятся къ крайне малорослой расѣ. И вотъ, сѣверные уѣзды Пермской губерніи, оказывается, обладаютъ низкорослымъ населеніемъ, хотя пермяки здѣсь занимаютъ сравнительно небольшое пространство: очевидно, значительная часть этого низкорослаго населенія представляетъ собою обрусѣвшихъ пермяковъ. Процессъ обрусѣнія продолжается и въ наше время.

На основаніи данныхъ о воинской повинности проф. Анучинъ, прослѣдивъ варіаціи величины роста, выяснилъ, что въ общемъ великорусское населеніе отличается меньшимъ среднимъ ростомъ, чѣмъ малорусское, но большимъ, нежели восточно-финское. У великороссовъ наиболѣе высокій средній ростъ оказывается на западѣ—въ губерніяхъ Новгородской и Псковской [1]), а чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ ниже оказывается ростъ.

Эти наблюденія даютъ возможность построить гипотезу, что малороссы сохранили болѣе чистую славянскую расу, нежели великороссы, и что населеніе губерній Новгородской и Псковской ближе къ старому славянскому типу, нежели населеніе восточныхъ великорусскихъ губерній.

Что касается антропологическаго отношенія между бѣлоруссами, и великоруссами, то оно пока можетъ быть намѣчено лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. По опредѣленію г. Чепурковскаго, въ Смоленской губ. (въ зап. части) обитаетъ широкоголовый блондинъ. Если принять этотъ типъ за обще-бѣлорусскій, то придется его отличить и отъ малорусскаго типа, и отъ великорусскаго. Разница между бѣло и великорусскимъ крестьяниномъ бросается въ глаза, хотя антропологія до сихъ поръ еще не выяснила существенныхъ чертъ того и другого. Въ раска-

[1]) Я думаю, что не ошибусь, причисливъ къ великорослому также населеніе губерній Олонецкой и Архангельской, хотя сужу объ этомъ только на основаніи личнаго впечатлѣнія, полученнаго во время моихъ поѣздокъ.

зѣ «Хорь и Калинычъ» Тургеневъ указалъ на различіе между типами малорослаго мужика Болховскаго уѣзда Орловской губ. и сосѣдняго «полѣха» Жиздринскаго у. Калужской губ. Сдѣлавъ ихъ художественное описаніе, Тургеневъ не зналъ того, что онъ познакомилъ читателя съ представителями двухъ разныхъ народностей Россіи—великоруссовъ и бѣлоруссовъ.

Антропологическое отличіе трехъ вѣтвей русской народности опредѣленно говоритъ за то, что она образовалась путемъ эволюціи стараго, до-русскаго, восточно-славянскаго типа. А эта эволюція всего проще объясняется вліяніемъ на послѣдній со стороны, по крайней мѣрѣ, трехъ разныхъ сосѣднихъ народностей. Всѣ данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что великорусская вѣтвь отдѣлилась отъ другихъ подъ вліяніемъ смѣшенія съ финскими племенами. Доминирующее значеніе въ этомъ вопросѣ принадлежитъ, несомнѣнно, антропологіи. Но есть еще одинъ путь для опредѣленія инородческой крови въ великорусской національности—изслѣдованіе областного языка, нѣкоторыя явленія котораго зависятъ отъ особенностей рѣчи инородцевъ, перенявшихъ нѣкогда русскій языкъ. Но, къ сожалѣнію, съ этой точки зрѣнія русская діалектологія еще не изучена. Правда, Ключевскій въ своемъ курсѣ исторіи далъ попытку опредѣлить финское вліяніе на измѣненіе древне-русскаго языка. Но, не будучи спеціалистомъ и не имѣя предшественниковъ, онъ допустилъ цѣлый рядъ фактическихъ ошибокъ. Тѣмъ не менѣе его общій взглядъ на отраженіе въ языкѣ смѣшенія различныхъ элементовъ великорусской народности совершенно правиленъ. «Образованіе говоровъ и нарѣчій, говоритъ Ключевскій, это—звуковая лѣтопись народныхъ передвиженій и мѣстныхъ группировокъ населенія. Древняя фонетика Кіевской Руси особенно замѣтно измѣнялась въ сѣверо-восточномъ направленіи, т. е. въ направленіи русской колонизаціи, образовавшей великорусское племя сліяніемъ русскаго населенія съ финскимъ. Это наводитъ на предположеніе о связи обоихъ процессовъ».

Возможности вліянія инородческой рѣчи на областную русскую рѣчь не отрицаетъ и Шахматовъ, лучшій знатокъ русскаго языка. Такъ, говоря, о томъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ губерній Олонецкой, Вологодской и Вятской звукъ *л* твердый замѣненъ среднимъ *l*, Шахматовъ объясняетъ эту замѣну вліяніемъ инородческаго—слѣдовательно, финскаго—населенія.

Дѣйствительно, имѣются случаи, когда русское населеніе замѣ-

няетъ древне-русскіе звуки такъ же, какъ тѣ же звуки замѣняютъ инородцы, употребляя русскія слова. Укажу два примѣра. Въ восточно-финскихъ языкахъ нѣтъ звука *ц* твердаго, и потому восточные финны произносятъ *сариса. сэловальникъ* и т. п. Та же самая замѣна звука *ц* твердаго посредствомъ *с* широко распространена въ великорусскомъ населеніи. Что касается районовъ этого распространенія, то къ нимъ принадлежатъ, прежде всего, тѣ мѣстности, въ которыхъ русское населеніе сравнительно не такъ давно сталкивалось съ инородцами и гдѣ недавно еще констатирована ассимиляція его съ инородческими финскими племенами: сюда относятся губерніи Вологодская, Вятская, Пермская, Казанская. Говоры, содержащіе эту черту, вмѣстѣ съ позднѣйшей колонизаціей распространились въ Сибирь и Томскую губ. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ наблюдатели очень часто отмѣчаютъ произношеніе *саръ, сэловальникъ, купесъ, лисо, сэркофъ. сапля* и т. п. Но та же особенность, какъ менѣе распространенная, отмѣчена и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ давно уже нѣтъ никакихъ инородческихъ элементовъ, а именно: въ восточной части Новгородской губ. (Кирилл. у.), въ Холмогорскомъ у. Архангельской, въ Костромской губ., Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской, Курской. Воронежской. Въ Московской губ. въ настоящее время нѣтъ замѣны звука *ц* звукомъ *с*; но въ концѣ XVII ст. грамотные москвичи еще говорили и писали *сарапитъ* вмѣсто *царапать*. Важно отмѣтить, что ни въ бѣлорусскихъ, ни въ малорусскихъ говорахъ совершенно нѣтъ этой особенности. Это и понятно: она могла развиться только путемъ заимствованія старо-русскаго языка восточными финнами, поселенія которыхъ на сѣверо-западѣ не заходили далѣе Бѣлоозера (ср. замѣну *ц* поср. *с* въ Кирилл. у Новг. губ.).

Другой примѣръ.

Во всѣхъ западно-финскихъ языкахъ, кромѣ куро-ливонскаго и нѣкоторыхъ нарѣчій лопарскаго языка, существуетъ законъ, по которому въ началѣ слова не допускается стеченіе двухъ или нѣсколькихъ согласныхъ звуковъ. Въ силу этого закона западные финны, заимствуя русскія слова, начинающіяся съ группы согласныхъ, отбрасываютъ всѣ, кромѣ одного согласнаго, предшествующаго гласному звуку. Напр., слово *три* финляндцы произносятъ какъ *ри* и т. п; слово *кровля* эстонцы передѣлали въ roowi, *круто* (быстро)—rutu.

То же самое явленіе встрѣчается въ великорусскихъ говорахъ, особенно въ сѣверо-западной части Европейской Россіи. Такъ, на сѣвер-

номъ и западномъ берегахъ Бѣлаго моря говорятъ *ного* вмѣсто *много*, *салмы* вм. *псалмы*, *тица* вм. *птица*[1]), *людникъ* вм. *блюдникъ*, *лицокъ* вм. *блицокъ* (блистаніе),[2]) въ Арханг. и Олонецкой губ. говорятъ *тиця, таша, ташка, ташиця* вм. *пташа, пташица, шаниця* вм. *пшеница*[3]); на сѣв. берегу Бѣлаго моря и по р. Онѣгѣ произносятъ *ро́са* вм. *просо*[4]); вм. формы *слуда* (скала) въ Олонецкой и Архангельской губ. употребляется форма *луда*; та же форма извѣстна въ XV в. въ Шелонской и Деревской пятинахъ Новгородской земли[5]) и въ XVI в. на Бѣломъ морѣ[6]); лопарск. luda (скала), заимствованное изъ русск. *слуда* (ср. фин. luoto—скала), показываетъ, подъ чьимъ вліяніемъ распространилась форма *луда* въ старой Новгородской землѣ. Въ Олонецкой губ. встрѣчается форма *коморохъ* вм. *скоморохъ*[7]).

Но та же особенность распрострапена и внѣ предѣловъ старой Новгородской земли. Въ Тверскомъ и Московскомъ уѣздахъ говорятъ *мотри*, во Владимирскомъ—*тупай*. Особенность эта проникла и въ литературный языкъ. Такъ, слова *робѣть, робкій, робость* происходятъ изъ формъ съ начальными звуками *др*, сохранившимися въ древне-русск. *дробливый*[8]), въ Олон., Арханг. *дробѣть, удроба*[9]). Слово *чанъ* происходитъ изъ *дъщанъ* чрезъ посредство формъ XVI в. *тщанъ*, *тчанъ*. Въ Олон. и Арх. губ. произносятъ *щанъ*. Слово *хорь, хорекъ* происходитъ изъ *дъхорь* чрезъ посредство формы *тхорь*. Во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, не исключая малорусскаго и бѣлорусскаго, въ этомъ словѣ сохраняется начальный звукъ *д* или *т*, и только великоруссы его выпускаютъ. Крестьяне Ростовскаго у. (Яросл. губ.), сохраняя этотъ звукъ въ формѣ *тхорь*, сохраняютъ его и въ словѣ *тчанъ*.

Очевидно, послѣднія явленія нельзя ставить въ связь съ вліяніемъ на русскій языкъ со стороны языковъ эстонскаго, финскаго или лопарскаго, но здѣсь могло быть вліяніе корѣлы, жившей гораздо южнѣе и сохранившейся до сихъ поръ въ Тверской губ. Ср. форму *коп-*

[1]) Матеріалы, собр. въ Арханг. губ. II, 15, 18: Бѣломорскія былины, 108, ст. 288.

[2]) Былины новой и недавней записи, 157, 244.

[3]) Бѣломорскія былины, 399, ст. 429; 442, ст. 324; Колосовъ, Обзоръ, 199.

[4]) Матеріалы, собр. въ Арх. губ. II, 107; Колосовъ, Замѣтки, 133.

[5]) Трусманъ, Чудско-лит. элементы въ новгор. пятинахъ, дер. *Лудино, Лутки, Луткино, Лутца, Лутцкое оз.*

[6]) Матеріалы для словаря, Срезневскаго, дополненія.

[7]) Колосовъ, Обзоръ, 199.

[8]) Въ памятникахъ XVII в. встрѣчаются формы *дробливый* и *робливый*.

[9]) Объ основномъ *д* свидѣтельствуютъ лит. drebėti—трепетать, дрожать, латыш. drebeht; drebulis—трепетъ.

карь—ковшъ, жбанъ, ушатъ, вмѣсто *скопкарь*. въ лѣтописи XV—XVI ст., писанной въ Торжкѣ [1]).

Процускъ звука *д* въ названіи Днѣпра извѣстенъ въ Сибири, Арханг. губ., Олонецкой, Новгородской, Тульской, у уральскихъ казаковъ. Въ памятникахъ великорусской письменности форма *Непръ* встрѣчается съ XVI в. [2])

Пропускъ того же звука въ имени Дмитрій широко распространенъ во всей области Великороссіи. Имя *Митокъ* встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1424 г., Митя подъ 1478, *Митьково поле*—подъ 1500.

Указанные факты свидѣтельствуютъ о довольно позднемъ развитіи въ великорусской области нѣкоторыхъ явленій языка. То же самое относится и къ заимствованіямъ изъ финскихъ языковъ, иногда принадлежащимъ къ сравнительно поздней эпохѣ. Укажу одинъ примѣръ. Слово *кулижка*, уменьш. отъ *кулига* (мѣсто для пашни, на коемъ вырубленъ и спаленъ лѣсъ) впервые попадается въ русскихъ памятникахъ съ 1478 г. Московская мѣстность *Кулижка* (въ Замоскворѣчьѣ) упоминается съ 1472 г. [3]). Ни въ бѣлорусское, ни въ малорусское нарѣчіе это слово не проникло. Очевидно, оно было заимствовано великоруссами [4]) уже въ то время, когда они отдѣлились отъ бѣлоруссовъ, т. е. въ XV в.

Эти позднія вліянія не должны насъ удивлять. Процессъ обрусѣнія финскихъ племенъ происходилъ и происходитъ непрерывно и не закончился и въ наше время. Нѣкоторыя финскія племена обрусѣли на глазахъ исторіи. Таковы Меря, Мурома. Что касается Веси, то часть этого племени сохранялась на берегахъ Бѣлоозера еще въ первой половинѣ XVI в., о чемъ сохранилъ вполнѣ точное свидѣтельство Герберштейнъ.

II. Отношенія русскихъ и Мордвы въ исторіи.

Одна изъ самыхъ блестящихъ лекцій В. О. Ключевскаго въ «Курсѣ русской исторіи» (XVII) посвящена вопросу о происхожденіи

[1]) Отчетъ И. Публичной Библіотеки за 1894 годъ, стр. 113. Форма *сконкарь* встрѣчается въ грамотѣ ок. 1550 г. Ср. бѣлор. *скопкій*, *скенкій*—ковкій, *скепка*—щепка.

[2]) См. Извѣстія II отд. И. Ак. Наукъ 1912, кн. 3, стр. 199—200.

[3]) Полное собр. р. лѣтописей. XVIII, 242, 272, 279; XXII, 505; XXIII, 186. Сел. Кулига, Кулиги, Кулигино упоминаются съ конца XV в. (Трусманъ).

[4]) Изъ зырянскаго языка (kuliga). См. Веске, Славяно-финскія культ. отношенія, 39—53.

великорусскаго племени въ связи съ отношеніями поселенцевъ-славянъ къ финскимъ туземцамъ окско-волжскаго междурѣчья. Эти отношенія, по мнѣнію Ключевскаго, опредѣлили образованіе новой народности—великорусской. Поставивъ вопросъ о томъ, какъ встрѣтились двѣ чуждыя народности и какъ одна повліяла на другую, знаменитый историкъ даетъ на него слѣдующій отвѣтъ: «Вообще говоря, встрѣча эта имѣла мирный характеръ. Ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ народныхъ преданіяхъ великороссовъ не уцѣлѣло воспоминаній объ упорной и повсемѣстной борьбѣ пришельцевъ съ туземцами... Могли случаться сосѣдскія ссоры и драки; но памятники не помнятъ ни завоевательныхъ нашествій, ни оборонительныхъ возстаній». Далѣе В. О. Ключевскій оговаривается: «Вопросъ о взаимодѣйствіи Руси и Чуди, о томъ, какъ оба племени, встрѣтившись, подѣйствовали другъ на друга, что одно племя заимствовало у другого и что передало другому, принадлежитъ къ числу любопытныхъ и трудныхъ вопросовъ нашей исторіи». Нужно къ этому прибавить, что тотъ же изслѣдователь далъ первую попытку рѣшенія этого вопроса. По мнѣнію Ключевскаго, борьба кое-гдѣ завязывалась, но не племенная, а религіозная. «Религіозный процессъ, завязавшійся когда-то при первой встрѣчѣ восточнаго славянства съ Чудью, безъ существенныхъ измѣненій продолжается на протяженіи вѣковъ, пока длится обрусѣніе восточныхъ финновъ».

«Обоюдное признаніе чужихъ вѣрованій, заключаетъ Ключевскій, конечно, способствовало бытовой ассимиляціи и дѣловому сближенію обѣихъ сторонъ».

Въ тѣхъ же отношеніяхъ двухъ національностей видитъ основу образованія великорусскаго племени и акад. А. А. Шахматовъ. Но, въ противоположность Ключевскому, онъ замѣчаетъ упорную борьбу между восточными финнами и пришельцами-славянами. Въ XII в., говоритъ онъ, «въ бассейнѣ Оки закладывается новая государственность, дающая возможность сѣверноруссамъ развить самую интенсивную колонизацію, сломившую окончательно упорство сидѣвшихъ тамъ восточныхъ финновъ. Въ этой упорной борьбѣ складываются новыя племенныя отношенія, и создается новая народность—великорусская» [1]).

Проф. Д. Н. Анучинъ, вмѣстѣ съ Ключевскимъ, представляетъ себѣ славянскую колонизацію мирнымъ процессомъ. «Нѣтъ никакихъ основаній, говоритъ онъ, предполагать, чтобы славяне истребляли финновъ; напротивъ того, все свидѣтельствуетъ въ пользу того, что коло-

[1]) Лекціи по исторіи русскаго языка (литографир.), II, 182.

низація славянъ была по преимуществу мирная. Едва ли мы можемъ также думать, что финны вымирали сами». «Рѣзкой разницы въ культурѣ, продолжаетъ уважаемый этнологъ, не было между финнами и славянами, и особенности быта тѣхъ и другихъ не исключали возможности мирнаго сожитія и общенія и совмѣстнаго участія въ государственной жизни» [1]).

Является вопросъ: кто изъ указанныхъ изслѣдователей правъ? Были ли отношенія мирными или враждебными? Думается, что и въ томъ, и въ другомъ мнѣніяхъ есть доля правды. Памятники не сохранили никакихъ свѣдѣній о борьбѣ между славянами и тремя рано исчезнувшими финскими племенами: Весью, Мерею и Муромою.

Начальный лѣтописный сводъ (XI в.) свидѣтельствуетъ о томъ, что Меря вмѣстѣ со славянами платила дань варягамъ и дѣйствовала единодушно противъ послѣднихъ. Составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ (нач. XII в.) къ Мери прибавляетъ Весь, а затѣмъ къ разсказу болѣе стараго лѣтописца прибавляетъ, что Рюрикъ обладалъ Мерею, Весью и Муромою [2]). Тотъ же составитель причисляетъ къ подвластнымъ Олегу племенамъ Мерю и Весь (6390 г.). Все это, конечно,—не историческіе факты: но свидѣтельства эти показываютъ, какъ смотрѣли лѣтописцы XI—XII вв. на отношенія Мери, Веси и Муромы къ государственной власти. Очевидно, они представляли себѣ эти племена входящими въ варяжскій военный союзъ.

Нельзя не отмѣтить того важнаго обстоятельства, что всѣ эти племена рано сходятъ со страницъ лѣтописи. Не оказывая существеннаго отпора варяжской власти, они должны были входить въ ближайшія мирныя сношенія со славянами и вмѣстѣ съ варягами ославяниться. Такъ въ дѣйствительности и случилось. Дольше другихъ племенъ сохраняла свою національную особность Весь, которую Герберштейнъ еще нашелъ на Бѣлоозерѣ въ первой половинѣ XVI в. Но и она вскорѣ исчезла, слившись окончательно съ окружившимъ ее русскимъ населеніемъ.

Иная судьба была у другихъ восточныхъ финновъ. Въ данномъ случаѣ насъ интересуютъ мордовскія племена.

Названіе Мордвы впервые было занесено въ лѣтопись въ 1103 г.,

[1]) Статья «Великоруссы» въ первомъ изд. Энциклоп. Словаря Брокгауза и Эфрона, стр. 831.

[2]) См. Шахматовъ, Сказаніе о призваніи варяговъ. Спб. 1904. с. 42—45, 66. (Изъ Извѣстій II Отд. Ак. Наукъ 1904, кн. 4).

когда она побѣдила муромскаго князя Ярослава [1]). Составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ (1116 г.) говоритъ, что въ его время Мордва платила дань Руси; но ложность этого сообщенія съ несомнѣнностью явствуетъ хотя бы изъ того обстоятельства, что въ немъ рядомъ съ Мордвою названы и другія племена: Черемись, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова и Ливь, которыя въ XII в., какъ намъ достовѣрно извѣстно, вовсе не платили русскимъ князьямъ дани.

Другія, вполнѣ точныя, данныя говорятъ о томъ, что въ X в. Мордва подчинялась хазарамъ. Хазарскій царь Іосифъ, перечисляя въ письмѣ къ визирю испанскаго халифа Абдуррахмана III (960 г.) поволжскія племена, подвластныя хазарамъ, упоминаетъ среди другихъ Буртасъ, Булгаръ и Арису [2]). Послѣднее названіе объясняется теперешнимъ именемъ, которымъ называетъ себя восточное мордовское племя—Эрзя (Ёрзи). Что касается Буртасовъ, то о нихъ мы находимъ свѣдѣнія у арабскаго писателя Ибнъ-Ростэ [3]) (X в.). Земля Буртасовъ лежитъ между Хазарскою и Болгарскою землями; она изобилуетъ лѣсомъ; простирается въ длину на 17 дней пути, въ ширину—на 15 дней. Буртасы подчиняются царю Хазаръ. Отъ Хазаръ до Буртасовъ 15 дней пути, отъ Болгаръ—3 дня.

Ибнъ-Ростэ говоритъ, что въ землѣ Буртасовъ обычнымъ деревомъ является такое, которое они называютъ *халенджъ* [4]). Названіе дерева находится и у Ибнъ-Фадзлана (ок. 921 г.): описывая похороны купца-русса около Итиля (Волги), этотъ писатель упоминаетъ о томъ, что для поддержанія ладьи, въ которой долженъ былъ быть сожженъ покойникъ, были вбиты столбы изъ дерева *халенджъ* и другихъ деревьевъ.

Названіе это Хвольсонъ объяснилъ мордовскимъ словомъ *киленг*—береза. Догадка Хвольсона подтверждается тѣмъ, что береза, не растущая въ Аравіи, естественно, была совершенно неизвѣстна арабскимъ

[1]) Новгор. лѣт. по Синодальному списку, 119.

[2]) Этнографическое Обозрѣніе, кн. 84, стр. 89, съ ссылкой на ст. Гаркави въ Трудахъ IV Археологич. Съѣзда.

[3]) Прежде имя этого писателя читалось ошибочно, какъ *Ибнъ-Даста, Ибнъ-Дустэ*. См. Д. Хвольсонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста о хазарахъ, буртасахъ, и проч.: Журналъ Мин. Нар. Пр. 1868, № 4, стр. 667—8, 690 и прим., 693.

[4]) Извѣстія Ибнъ-Ростэ о Буртасахъ почти дословно повторяются въ компилятивномъ сочиненіи Аль-Бекри „Пути и страны" (ок. 1067 г.). Буртасовъ Аль-Бекри называетъ *Фрдасами* (начальное *Ф*—объясняется графическимъ недоразумѣніемъ), говоритъ, что „большая часть ихъ деревьевъ—*халенджъ*". См. Куникъ и Розенъ, Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ: Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. 32, кн. II, 1879, ст. 61—62.

писателямъ. Въ первомъ приложеніи читатель найдетъ свѣдѣнія о Буртасахъ, сообщаемыя однимъ пока еще не изданнымъ древне-персидскимъ сочиненіемъ X в.

Въ русскихъ лѣтописяхъ Буртасы упоминаются только однажды— въ лѣтописной статьѣ о Куликовской битвѣ. По лѣтописи, Мамай въ 1380 г. „понаимова рати: Бесермены, Армены, Фрязы, Черкасы, Буртасы“[1]). Въ той же лѣтописи подъ 1377 г.[2]) Мордвою названо восточное племя, Эрзя: это видно изъ того, что, по лѣтописи, оно жило за рѣкой Пьяной, притокомъ Суры, гдѣ Эрзя живетъ и до сихъ поръ. Слѣдовательно, русскій лѣтописецъ XIV в. различалъ Буртасовъ и Мордву. Но мы видѣли, что буртасское слово, записанное Ибнъ-Ростэ, нашло себѣ объясненіе въ мордовскомъ языкѣ. Связь Буртасовъ съ Мордвою явствуетъ также изъ того обстоятельства, что названіе первыхъ нельзя отдѣлить отъ названія рѣчки Буртасъ, впадающей въ Вышу, правый притокъ Цны. Хвольсонъ[3]) сдѣлалъ предположеніе, что именемъ Буртасъ могла нѣкогда называться Ока; но въ такомъ предположеніи нѣтъ никакой нужды. Какъ племя Мокша получило свое названіе по имени Мокши, праваго притока Оки, такъ Буртасы, естественно, восходятъ къ небольшому племени, населявшему бассейнъ рѣчки Буртасъ. Но Ибнъ-Ростэ сообщаетъ, что страна Буртасовъ обширная, простирается отъ 15 до 17 дней пути. Слѣдовательно, говоря о Буртасахъ, арабскій писатель разумѣлъ подъ ними не маленькое племя, занимавшее долину незначительной рѣчки, а довольно многочисленную народность. Какая же это народность?

Важно обратить вниманіе на показанія другихъ писателей. Ибнъ-Фацланъ (921 г.) не знаетъ Мордвы: онъ упоминаетъ только Эрзю (Арза). Хазарскій царь Іосифъ называетъ ту же Эрзю (Арису) и рядомъ—Буртасъ. Названіе Мокши встрѣчается впервые у путешественника XIII в. Рубруквиса (Рюисбрука). Послѣдній различаетъ два племени: Moxel (=Мокса-лей, т. е. рѣка Мокса), живущее на сѣверъ отъ Дона, въ чащѣ лѣсовъ, и племя Merdas, живущее далѣе до Волги. «Другіе народы, говоритъ онъ, близкіе къ нимъ (къ Moxel), называются

[1]) Пользуюсь первоначальнымъ текстомъ Ермолинской лѣтописи, Полное собр. р. лѣт. XXIII, 124—5. Нельзя не отмѣтить рпемъ: Бесермены—Армены; Черкасы—Буртасы. Послѣдняя рпема и въ Родословцѣ князей: см. Ждановъ, Русскій былевой эпосъ, с. 95.

[2]) Тамъ же, стр. 120—1.

[3]) Названное сочиненіе, с. 690 и примѣч.

Merdas или Merclas; латины ихъ называютъ Morduani». У венгерскаго проповѣдника Юліана мы находимъ лишь одно названіе—Morduani [1]).

Слѣдовательно, названіе, извѣстное съ XIII в., Moxel, Мокша, вполнѣ соотвѣтствуетъ болѣе древнему и послѣ XIV в. вышедшему изъ употребленія названію Буртасъ. Обѣ рѣки, Мокша и Буртасъ, относятся къ восточной части одного и того же бассейна, и трудно допустить, что онѣ были населены двумя разными племенами. Гораздо естественнѣе видѣть въ обоихъ этническихъ названіяхъ одно и то же восточно-финское племя, потомки котораго въ настоящее время называютъ себя Мокшей. О томъ, что Буртасы не были тюрками, мы можемъ судить по сообщенію Ибнъ-Ростэ (и другихъ) объ ихъ языкѣ: по его словамъ, ихъ языкъ не похожъ на языкъ Хазаръ и Болгаръ.

Была ли извѣстна Мокша въ древней Руси? Изъ лѣтописнаго извѣстія о постройкѣ въ 1536 г. крѣпости на рѣкѣ Мокшѣ въ *Мещерѣ* [2]) видно, что Мещерою называлась область этой рѣки. Это показаніе XVI в. подтверждается болѣе древними данными. Въ перечнѣ городовъ 1424 г. въ числѣ залѣсскихъ (московскихъ) названы подъ рядъ: «Мещерьское, Камена Могыла на Дъснѣ, Муромъ на Оцѣ» [3]). Рѣка Дъсна—теперешняя Цна, притокъ Мокши. Порядокъ перечисленія показываетъ, что Мещерское находилось въ бассейнѣ Цны, не сѣвернѣе Мокши. Подъ 1548 г. Мещера названа «Полемъ» (т. е. степью) и «украйной» (т. е. окраиной) [4]); «украйной» же она названа и подъ 1550—1 гг. [5]). Въ извѣстіи 1550 г. о нападеніи на Мещерскія мѣста крымцевъ, не дошедшихъ до *Шахскихъ Воротъ* [6]), т. е. теперешняго г. Шацка (близъ Цны), построеннаго въ 1552 г., можно видѣть опредѣленное указаніе на районъ, обнимаемый терминомъ «Мещера»: это было теченіе рѣкъ Цны и Мокши и, конечно, ихъ бассейнъ. Въ грамотахъ 1571, 1577 и 1578 г. упоминается Мордва изъ городовъ Темникова и Кадомы (тепер. Кадомъ, вѣроятно, построенный въ 1536 г.), а также съ рѣкъ Цны и Мокши [7]). Слѣдовательно, въ XVI в. Мещерою называлась та область, въ которой издревле жили мор-

[1]) См. Смирнова, Мордва: Извѣстія Общества Археологіи, Ист. и Этн., X, с. 74; XII, с. 339—340.

[2]) Полное собр. р. лѣтописей, VIII, 291.

[3]) Новгор. лѣтопись по Синод. харат. списку, 1888, с. 448.

[4]) Полное собр. р. лѣтописей, XXII, 528.

[5]) Тамъ же, с. 531—2.

[6]) Тамъ же, с. 532. Правильнѣе—*Шацкихъ*—отъ рѣчки Шачи.

[7]) Бѣляевъ И., О сторожевой службѣ на Польской окраинѣ Моск. государства (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1846, № 4), ист., стр. 13, 16, 25, 28, 34.

довскія племена: Мокша и Буртасы. Названіе города Мокшана, построеннаго на р. Мокшѣ въ 1535 г., показываетъ, что еще въ это время въ теперешней Пензенской губ. жила Мокша [1]). Изъ мещерскихъ именъ до насъ дошло лишь одно: имя мещерскаго казака *Урака*, который въ 1549 г. съ товарищами побилъ казанскаго посла при устьѣ Медвѣдицы, на Дону [2]). Имя это находитъ себѣ объясненіе въ финскихъ языкахъ: фин. urhakka—мужественный, uras—боецъ, храбрецъ, герой [3]).

Въ финскихъ же языкахъ находитъ себѣ объясненіе и этническое, первоначально географическое названіе *Мещеры*: эст. mets, фин. metsa —лѣсъ; фин. metso—роша; лоп. mietse, mätse—пустыня, пустошь[4]). Такъ назвали область Мещеры сосѣди съ юга, жившіе въ менѣе лѣсистой мѣстности. Ср. Рязань *подлѣсная*, *Залѣсская* земля—подобныя славянскія названія, данныя южанами.

Тождество Мещеры съ Буртасами (и съ современной Мокшей) можно подтвердить тѣмъ обстоятельствомъ, что ни въ одномъ изъ перечней племенъ мы не найдемъ совмѣстнаго упоминанія обоихъ названій. Рядомъ съ Мордвою упоминается либо Мещера, либо Буртасы.

Такъ, перечисленіе племенъ, вошедшее въ составъ Слова о погибели Русской земли (XIII в.), въ Родословецъ князей (XV в.), въ Степенную книгу (XVI в.) и въ Сказаніе о началѣ Москвы Каменевича—Рвовскаго (1699 г.), упоминаетъ послѣ Болгаръ Буртасовъ, Мордву и Черемисъ [5]). Наоборотъ, перечисленіе, вошедшее въ составъ Толковой Палеи и другихъ памятниковъ и составленное въ XI в., упоминаетъ Мерю, Мордву, Мещеру, Мурому, но не знаетъ Буртасовъ. Авторъ Слова о погибели Русской земли (повидимому, житель Владиміра на Клязьмѣ), хорошо знающій сѣверо-восточныя племена, упоминающій малоизвѣстныя племена, Тоймиковъ и Вяду, различаетъ Буртасовъ и Мордву: онъ говоритъ, что Буртасы, Черемисы, Вяда и Мордва бортничали на князя Владиміра (Мономаха). Наоборотъ, составл-

[1]) Мокшань—прилагат. отъ слова Мокша,—мокшанскій.

[2]) Полное собр. р. лѣт. XXII, 529.

[3]) Названіе города Кадомы (теперь Кадомъ) объясняется изъ эстонскаго языка: kadumaa=невоздѣланная земля.

[4]) Подобныя слова есть и въ не финскихъ языкахъ: латыш. меж—лѣсъ; лит. медис—дерево, адыг.-кабард. мез—лѣсъ. Объясненіе названія Мещеры изъ зырянск. möser —волокъ между двумя рѣками (Трусманъ, Чудско-лит. элементы въ новгор. пятинахъ, с. 184)—фонетически недопустимо.

[5]) См. Жданова, Русскій былевой эпосъ, с. 95; Полное собр. р. лѣт. XXI, первая пол., с. 4; Гиляровъ, Преданія р. нач. лѣтописи, 27.

тель указаннаго перечня XI в. вовсе не упоминаетъ Буртасовъ, и это отсутствіе крупнаго и воинственнаго (по Ибнъ-Ростэ) племени нельзя объяснить иначе, какъ тождествомъ племенныхъ названій «Буртасъ» и «Мещера».

Важно еще обратить вниманіе на то обстоятельство, что авторъ Повѣсти временныхъ лѣтъ (1116 г.), кіевлянинъ, воспользовавшись указаннымъ перечисленіемъ XI в., пропустилъ нѣсколько сѣверныхъ племенъ и между ними—Мещеру [1]).

Выше я привелъ весьма важное указаніе Ибнъ-Ростэ на то, что языкъ Буртасовъ не сходенъ съ хазарскимъ и болгарскимъ. Въ настоящее время можетъ считаться доказанной тѣснѣйшая связь чувашскаго языка съ древне-болгарскимъ, а слѣдовательно и съ хазарскимъ, ибо, по свѣдѣніямъ арабскихъ писателей болгары и хазары говорили на сходныхъ нарѣчіяхъ [2]). Такъ какъ чувашскій языкъ принадлежитъ къ тюркскимъ, то языкъ Буртасовъ приходится признать, по крайней мѣрѣ, не сходнымъ съ чувашскимъ.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изслѣдователи поднимали въ наукѣ вопросъ о тождествѣ Чувашъ съ Буртасами. На засѣданіи предварительнаго комитета по устройству XIII Археологическаго Съѣзда (4—6 янв. 1903 г.) проф. И. Н. Смирновъ предложилъ слѣдующій вопросъ на обсужденіе Съѣзда: «Данныя для рѣшенія вопроса о народности Буртасовъ въ современной матеріальной культурѣ чувашскихъ селеній, носящихъ названіе Буртасъ (Пуртас)». Въ 1905 г. В. К. Магницкій высказалъ также мнѣніе, что подъ племенемъ Буртасъ всего скорѣе слѣдуетъ разумѣть чувашей [3]). Еще ранѣе Ѳ. О. Чекалинъ въ своемъ докладѣ на Археологическомъ Съѣздѣ въ 1890 г. [4]) старался установить, что въ названіяхъ Мещеры и Буртасовъ слѣдуетъ видѣть одну и ту

---

1) См Шахматова, Толковая Палея и русская лѣтопись: Статьи по славяновѣдѣнію, вып. I, подъ ред. Ламанскаго, 1904 г., с 261, 264. Перечень XI в. въ XV в. былъ включенъ въ лѣтописный сводъ, и отсюда Мещера вторично вошла въ лѣтописный текстъ (лѣт. Авраамки, хронографъ 1512 г., Софійская, Воскрес., Никон. и др.). См. Полное собр. р. лѣт. XVI, ст. 8,35.

2) Фактическимъ подтвержденіемъ этихъ арабскихъ свѣдѣній является объясненіе изъ чувашскаго языка имени хазарской крѣпости «Саркелъ»=Бѣлая Вѣжа: чувашск. schore—kill=бѣлый домъ. Шафарикъ, Слав. древности, т. II, кн. 1, 1848 г., с. 102.

3) Чувашскія языческія имена. Казань 1905, стр. 1—2 (Извѣстія Общ. арх., ист. и этн., т. XXI, вып. 2).

4) Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ 1890 г., т. III. М. 1897. Къ сожалѣнію, въ Тифлисѣ я не могъ достать этого изданія, и сужу о статьѣ Чекалина изъ вторыхъ рукъ.

же народность. А такъ какъ Мещеру до сихъ поръ смѣшиваютъ съ тюркской народностью Мещеряковъ, то былъ поставленъ вопросъ о тождествѣ Мещеряковъ съ Буртасами [1]).

Всѣ эти предположенія совершенно не согласуются съ фактами. О тюркскомъ происхожденіи Мещеры нельзя говорить потому, что она извѣстна въ XI в., въ до-монгольское время, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вовсе не было тюрковъ. Мещеру съ Буртасами слѣдуетъ отождествить лишь при условіи различенія Мещеры и Мещеряковъ. И Мещеряки, и Чуваши до сихъ поръ живутъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ жили ихъ предки—тюрки, лишь очень мало продвинувшись на З. Наоборотъ, Мещера занимала бассейнъ Мокши и на глазахъ исторіи никогда не продвигалась на В. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній сближать Мещеру съ Мещеряками.

Что касается предложеннаго Смирновымъ вопроса о чувашскихъ селеніяхъ, носящихъ названіе «Пуртасъ», то это названіе есть болѣе основаній связывать съ Пертасами, упоминаемыми въ перечнѣ сѣверныхъ народовъ XIV в. [2]), рядомъ съ Самоѣдами и Остяками. Названіе «Буртасъ» не было объяснено изъ тюркскихъ языковъ. Это названіе восходитъ, несомнѣнно, къ имени рѣки и находитъ себѣ вполнѣ подходящее объясненіе въ финскихъ языкахъ: куро-лив. puurdas, фин. purras (изъ * purtas), венс. pordas, эст. purte, purre, лопар. borre — перекладина, мостикъ. Такъ была названа, очевидно, рѣчка, чрезъ которую гдѣ-то лежалъ мостикъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ и соображеній вытекаетъ тотъ выводъ, что названіями Буртасъ (съ X в.), Мещера (съ XI в.) и Moxel (съ XIII в.) обозначалась одна и та же восточно-финская народность, отъ которой произошла современная Мокша и которая населяла бассейнъ рѣки Мокши (между прочимъ рѣки Цну и Буртасъ).

Что же касается названія Мордвы, то оно вплоть до начала XVI в. относилось только къ одному изъ мордовскихъ племенъ—къ Эрзѣ. Это видно прежде всего изъ того, что арабскіе и персидскіе писатели не знаютъ имени Мордвы [3]); именемъ Арза или Арису они называютъ

[1]) Покойнымъ *Н. Х.* (Н. Н. Харузинымъ) въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» 1897 г., № 4, стр. 146.

[2]) См. мои замѣтки «Къ этнографіи сѣвера Европ. Россіи» и «Къ вопросу объ источникахъ свѣдѣній объ инородцахъ» Этногр. Обозр. 1908, № 1, с. 157; № 3, с. 107.

[3]) См., впрочемъ, въ приложеніи I мнѣніе А. Г. Туманскаго о тождествѣ Мордвы и *Бердасъ*.

теперешнюю Эрзю. То же видно и изъ разсмотрѣнія лѣтописныхъ русскихъ данныхъ. Извѣстіе о битвѣ съ Мордвою въ Муромѣ въ 1103 г. является неопредѣленнымъ: на Муромъ могла напасть, какъ Эрзя, такъ и Мокша. Но другія сообщенія о Мордвѣ вполнѣ опредѣленно относятся къ Эрзѣ.

Въ 1184 г. владимирскій князь, возвращаясь отъ волжскихъ Болгаръ, конныхъ отправилъ чрезъ землю Мордвы, слѣдовательно чрезъ предѣлы Эрзи.

Подъ 1228 г. мордовскіе предѣлы отнесены къ землѣ на В. отъ Нижняго Новгорода [1])—слѣдовательно, и здѣсь Мордвою лѣтописецъ называетъ Эрзю. Подъ слѣдующимъ годомъ говорится о нападеніи Мордвы на Нижній Новгородъ [2]). Въ 1377 г. говорится о Мордвѣ, нападавшей на Нижегородскую область и скрывшейся за рѣку Пьяну, притокъ Суры. Подъ 1401 г. говорится о Мордвѣ, жившей въ «татарскихъ мѣстахъ», въ «татарской землѣ», близъ «Бесерменъ», т. е. Болгаръ. Только въ XVI ст. впервые Мокша отождествляется съ Ерзею: подъ 1535 г. упоминаются «мордвичи Рязанскія земли», а позднѣе мы встрѣчаемъ въ документахъ Мордву съ рѣкъ Цны и Мокши, изъ городовъ Темникова и Кадомы. Очевидно, здѣсь говорится о Мордвѣ-Мокшѣ, а не о Мордвѣ-Эрзѣ. Съ XVI в. это отождествленіе двухъ родственныхъ племенъ дѣлается господствующимъ и доходитъ до времени научной разработки этнографическихъ вопросовъ.

Въ X—XI ст. оба мордовскихъ племени были подчинены Хазарамъ. Близость ихъ къ Хазарамъ и Болгарамъ долгое время охраняла ихъ отъ славянскаго завоеванія. Ею нужно объяснить то обстоятельство, что въ 1103 г. муромскій князь Ярославъ Святославовичъ потерпѣлъ пораженіе отъ Мордвы. До XIII ст. мы не находимъ никакихъ указаній на подчиненіе русскимъ князьямъ хотя бы маленькой мордовской области [3]).

Въ 1221 г. владимірскій князь Юрій Всеволодовичъ заложилъ Нижній Новгородъ [4]) въ области прежней Мордовской земли, и съ

---

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, 428.

[2]) Тамъ же, стр. 429.

[3]) И. Н. Смирновъ (Мордва, Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн. X, 315) приводитъ лѣтописное извѣстіе о походѣ 1172 г., когда князья взяли одинъ городъ, но лѣтопись опредѣленно говоритъ, что это былъ *болгарскій* городъ, и ни словомъ не упоминаетъ о *Мордвѣ*.

[4]) Лѣт. по Лавр. сп., 423. Ср. въ гл. III мордовское преданіе о постройкѣ Н. Новгорода.

тѣхъ поръ начинается упорная борьба съ Мордвою. Въ 1226 г. Юрій посылаетъ на Мордву своихъ братьевъ, Святослава и Ивана, которые берутъ нѣсколько селъ [1]). Въ 1228 г. онъ посылаетъ въ мордовскую область своего племянника Василька и воеводу Еремѣя съ своимъ полкомъ, но когда они уже зашли за Нижній, вслѣдствіе дождливой погоды (въ сентябрѣ), онъ вернулъ ихъ обратно [2]). Въ январѣ слѣдующаго года онъ отправился въ Мордовскую землю самъ съ братомъ Ярославомъ, двумя племянниками и муромскимъ княземъ Юріемъ. Пришедши въ волость мордовскаго князя Пургаса [3]), они пожгли села, потравили хлѣбъ и избили скотъ. Мордва бѣжала въ лѣсъ и скрылась въ укрѣпленныхъ мѣстахъ (твердяхъ), но младшіе дружинники послѣдовали за ними, многихъ избили, а другихъ взяли въ плѣнъ [4]). Походъ этотъ, повидимому, былъ вызванъ набѣгомъ Мордвы и взятіемъ въ плѣнъ русскихъ, т. к. лѣтопись сообщаетъ, что князья, загнавши Мордву въ лѣсъ, «полонъ послаша назадъ». Князь Пургасъ, вѣроятно, былъ далеко, т. к. «княземъ нашимъ не бысть кого воевати».

Но въ апрѣлѣ того же года онъ напалъ на Нижній, зажогъ монастырь и церковь, находившіеся внѣ укрѣпленій, и лишь отъ стѣнъ города онъ долженъ былъ отступить. Въ тотъ же годъ онъ былъ разбитъ сыномъ Пуреша, союзникомъ князя Юрія. Объ этомъ событіи лѣтопись сообщаетъ слѣдующее: «Того же лѣта (1229) побѣди Пургаса Пурешевъ сынъ съ половци, и изби Мордву всю и Русь Пургасову, а Пургасъ едва вмалѣ утече» [5]). Имя Пуреша свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ мордвинъ [6]), но его союзъ съ половцами и вражда съ Пургасомъ показываютъ, что онъ владѣлъ не собственно-Мордвою, а западною частью мордовскаго племени, Мокшею [7]).

Важно отмѣтить союзъ князя Юрія съ мокшанскимъ княземъ, съ

---

[1]) Тоже, 426.

[2]) Тоже, 428.

[3]) На берегу Мокши, близъ г. Кадома, до сихъ поръ существуетъ дер. Пургасова. Русскій Вѣстникъ, т. 69 (1867 г.), с. 501, прим. (Собр. соч. Мельникова, XII, 17). Въ Тверской губ. также есть деревня Пургасово.

[4]) Лѣт. по Лавр. сп., 428—429.

[5]) Тоже, 429.

[6]) Въ спискѣ мордовскихъ именъ XVI—XVII вв. упоминается имя „Пуресъ". См. Юбилейный сборникъ въ честь проф. В. Ѳ. Миллера, 64, прим.

[7]) Ср. названіе мордовской деревни *Мокса* въ документѣ 1613 г. Юбил. сборникъ, 65.

которымъ враждуетъ князь болгарскій [1]), а также то обстоятельство, что въ составъ Пургасовой волости входили русскія поселенія, и Русь должна была стоять подъ знаменами мордовскаго князя. Это свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о томъ, что славянская колонизація шла впереди княжескихъ завоеваній, а съ другой стороны—о значительной политической сплоченности Мордвы.

Хотя въ 1229 г. Пургасъ былъ разбитъ, тѣмъ не менѣе Мордва, повидимому, не прекращала своихъ набѣговъ на пограничныя съ нею области: Рязанскую и Муромскую; это можно заключить изъ того, что вскорѣ, въ 1232 г. Юрій опять послалъ на Мордву своего сына Всеволода, съ которымъ соединились племянникъ Юрія Өеодоръ, князья рязанскіе и муромскіе. Князья опять пожгли Мордовскія села и избили много Мордвы [2]).

Результатомъ этихъ событій 1226—1232 гг., вѣроятно, было то, что взятая въ пленъ Мордва была поселена въ русскихъ областяхъ. Нѣкоторое право догадываться объ этомъ даетъ названіе села *Мордовскаго*, упоминаемаго въ грамотѣ рязанскаго князя Олега ок. 1356—1402 гг. Это село, какъ свидѣтельствуетъ грамота, было дано монастырю Богородицы на Ольговѣ (нынѣ—с. Льговъ въ 11 верстахъ отъ Рязани) нѣкимъ Климентомъ, и тогда же свои села подавали монастырю „Еремѣй великій съ Глѣбомъ“. Изъ содержанія грамоты видно [3]),

---

[1]) „А болгарьскый князь пришелъ былъ на Пуреша, ротника Юргева, и слышавъ, оже великый князь Юрги с братьею жжеть села мордовьская, и бѣжа прочь ночи“. Лѣт. по Лавр. ст., 429.

[2]) Тоже, стр. 437.

[3]) Грамота напечатана Срезневскимъ въ „Древнихъ памятникахъ русскаго письма и языка“ и по недоразумѣнію (ибо это грамота великорусская) перепечатана А. Е. Крымскимъ въ „Украинской грамматикѣ“, I, 539—541. Въ грамотѣ находится ссылка на *давъныи грамоты*, откуда, очевидно, заимствованы слѣдующія свѣдѣнія: „Коли ставили по первыхъ с прадѣди наши св. Богородицю княз великіи Инъгваръ, княз Олегъ, княз Юрьи... тогды дали св. Богородици дому 9 земль бортных, а 5 погостов (перечислены).... А Головчин далъ Федоръ Борисович; а Мордовское далъ Климонтъ по Данилов дворъ; а Еремѣи великіи съ Глѣбом села своя подавали Гсжи Бци; а мужи (выше упоминались 600 мужей при трехъ князьяхъ), Олговскую околицю купивше у Муромьских князіи...., и дали св. Бци“. Здѣсь упомянуты: 1) Ингварь Игоревичъ, рязанскій кн.+между 1219 и 1237 г., 2) его сынъ Олегъ+1256 г., 3) Юрій Игоревичъ, братъ Ингваря+1237 г. 4) Еремѣй Глѣбовичъ (съ своимъ отцомъ Глѣбомъ), воевода Константина (1216 г.), а потомъ Юрія Всеволодовича, ходившій въ 1220 г. противъ Болгаръ и въ 1228 г. противъ Мордвы, +1237 г. Всѣ эти лица, несомнѣнно, принимали участіе въ походѣ па Мордву въ 1232 г. Послѣ возращенія изъ этого удачнаго похода рязанскіе князья основали церковь Богородицы въ Ольговѣ; тогда же, вѣроятно, образовалось изъ поселенцевъ и *Мордовское* село.

что это происходило въ тридцатыхъ годахъ XIII ст., вскорѣ послѣ похода 1232 г. А въ походахъ на Мордву принималъ участіе воевода Еремѣй Глѣбовичъ. Слѣдовательно, село Мордовское образовалось изъ Мордвы, взятой въ плѣнъ въ 1232 г. и поселенной близъ с. Ольгова, недалеко отъ устья р. Прони.

Что касается отношеній Рязанской области къ Мокшѣ, то о нихъ проф. И. Н. Смирновъ говоритъ слѣдующее: «Князьямъ рязанскимъ удалось захватить въ свои руки все нижнее теченіе Мокши и поставить своего тысяцкаго въ Кадомѣ, древнѣйшемъ центрѣ Мокши. Это обстоятельство имѣло мѣсто, вѣроятно, еще въ XII в., такъ какъ подъ 1209 г. мы встрѣчаемъ уже извѣстіе о томъ, что въ Кадомѣ былъ убитъ тысяцкій» [1]). Но этотъ выводъ сдѣланъ совершенно произвольно. Объ убіеніи тысяцкаго въ Кадомѣ сохранилось извѣстіе въ одной Никоновской лѣтописи; здѣсь мы читаемъ подъ 1209 г. «Того же лѣта убіенъ бысть въ Кадомѣ тысяцкій рязанскій Матфѣй Андрѣевичь» [2]). Тысяцкій названъ не кадомскимъ, а рязанскимъ; Кадома не названа городомъ. Городъ Кадома былъ построенъ, вѣроятно, въ 1536 г.; онъ не упоминается въ перечнѣ городовъ 1424 г. Самое названіе *Кадома* значитъ «невоздѣланная земля» и свидѣтельствуетъ о томъ, что первоначально такъ называлось не селеніе, а урочище. Поэтому лѣтописное извѣстіе можно понять только въ томъ смыслѣ, что въ 1209 г. рязанскій тысяцкій, отправившійся въ Кадому, на р. Мокшу, вѣроятно, для сбора дани, былъ убитъ мѣстными жителями. Быть можетъ, съ этимъ убійствомъ связанъ походъ меченоши Всеволода Владимирскаго, Кузьмы, который въ 1210 г. взялъ Тепру—финское племя, жившее на р. Тепрѣ (нынѣ—Пра, лѣвый притокъ Цны [3])) и возвратился во Владимиръ съ многочисленнымъ полономъ [4]).

Во всякомъ случаѣ, извѣстіе 1209 г. свидѣтельствуетъ не о слабости Мокши въ это время, а скорѣе объ ея силѣ, такъ какъ она могла отражать захваты со стороны Рязани. И дѣйствительно, если въ X—XI вв. Буртасы-Мокша могли выставить на войну до 10.000 всадниковъ, то и въ XIII в. это племя должно было представлять со-

---

[1]) Мордва, X, 317.

[2]) Полное собр. р. лѣт. X, 60.

[3]) Впрочемъ, есть другая р. Пра, лѣвый притокъ Оки.

[4]) Лѣтопись по Лавр. сп., 413. Племя Тепра упоминается въ Троицкой лѣт. (см. тамъ же, 3, прим. 28).

бою силу, съ которой не могли справиться разрозненныя восточно-русскія области.

Въ 1239 г. Мордовская земля была покорена татарами [1]). Послѣ этого болѣе, чѣмъ на сто лѣтъ прекращаются русскіе походы противъ Мордвы. Но послѣдняя принимаетъ участіе въ татарскихъ набѣгахъ на русскія области. Такъ, въ 1319 г. она вмѣстѣ съ болгарами («бесерменами») участвовала въ походѣ татаръ на Тверь [2]). Несмотря на подчиненіе Мордвы татарамъ, прежній процессъ ея слiянія съ русскими продолжается. Любопытно, что сынъ суздальскаго князя Димитрія Константиновича Василій (упомин. съ 1364 г., умеръ около 1403 г.), два раза ходившій на волжскихъ болгаръ, носилъ прозвище «Кирдяпа» [3]), извѣстное по документамъ XVI—XVII вв. *какъ мордовское имя.* [4])

Одинъ изъ пословъ (киличѣевъ), отправленныхъ въ 1381 г. Дмитріемъ Донскимъ къ Тахтамышу, имѣлъ имя Мокшѣй (Мокшій), указывающее на то, что онъ происходилъ изъ племени Мокша [5]).

Въ XIV в. быстро растетъ Нижегородское княжество, захватывая все больше и больше мордовскихъ земель. Въ 1372 г. князь городецкій, а послѣ нижегородскій, Борисъ Константиновичъ ставитъ себѣ на р. Сурѣ г. Курмышъ [6]). Упоминаемыя въ это время названія Засурье и Запьянье [7]) показываютъ, что русская колонизація проникла не только въ теперешній Сергачскій уѣздъ Нижегор. губ., гдѣ протекаетъ р. Пьяна, но и дальше, въ предѣлы Симбирской губ. Колонизація эта вызываетъ отпоръ со стороны Мордвы, которая, несмотря на подчиненіе татарамъ, еще имѣла въ это время своихъ князей.

Подъ 1377 (1378) г. лѣтопись упоминаетъ о томъ, что князи мордовскіе подвели татарскую рать на суздальскихъ князей. Въ томъ же году, по слѣдамъ Татаръ, Мордва поднялась по Волгѣ до Нижего-

---

1) Лѣтопись по Лавр. сп., 446, 495.

2) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, V, 208.

3) Тоже, XII, 4—5.

4) Юбилейный сборникъ, 63, прим. 3: „Кирдяпинъ сынъ;" ср. тамъ же „Кердяй, Кирдянъ."

5) Полное собраніе русскихъ лѣтописей XVIII, 131. Вѣроятно, того же происхожденія – фамилія Макшѣевыхъ.

6) Тоже, 112. Морд. *курмыш*=улица села, конецъ.

7) Тоже, 114, 119, 115. Изъ грамоты кн. Бориса 1393 г. видно, что въ это время Нижегородская область (присоединенная къ Москвѣ въ 1392 г.) захватывала все теченіе р. Суры, отъ р. Курмышки до Волги. См. „Городъ Курмышъ въ XIV—XVIII вѣкахъ", Акаемова. (Извѣстія Общ. Арх. Ист. и Этногр., т. XI, в.6, стр. 513).

родскаго уѣзда, пожгла волости и села, побила и взяла въ плѣнъ много народу. Князь Борисъ настигъ грабителей у р. Пьяны и избилъ тѣхъ, которые не успѣли черезъ нее переправиться [1]). Вѣроятно, преслѣдовать Мордву лѣтомъ было неудобно. Но въ слѣдующую же зиму Борисъ выступилъ противъ Мордвы вмѣстѣ съ племянникомъ (сыномъ нижегородскаго князя) и съ московскимъ полкомъ: „Они же шедше взяша землю Мордовьскую и повоеваша всю, и села, и погосты ихъ и зимници пограбиша, а самѣхъ посѣкоша, а жены и дѣти полониша, и мало тѣхъ, кто избылъ, всю ихъ землю пусту сътвориша; и множество живыхъ полониша и приведоша ихъ въ Новъгородъ, и казниша ихъ казнью смертною, и травиша ихъ псы на леду на Волзѣ“ [2]).

Событія 1377—1379 гг. были послѣднимъ кровавымъ столкновеніемъ между русскими и Мордвою, отмѣченнымъ лѣтописями. Повидимому, для дальнѣйшей исторіи Мордвы имѣло большое значеніе разореніе Тамерланомъ въ 1391 г. города Болгаръ и паденіе старой болгарской культуры. Арабско-болгарская культура оказывала на Мордву настолько сильное вліяніе, что нѣкоторые мусульманскіе писатели называютъ Буртасовъ мусульманами [3]), а въ XIII в. Рубруквисъ причисляетъ Мордву къ „сарацинамъ“, т. е. къ мусульманамъ. Послѣ паденія города Болгаръ подчиненіе мордовскихъ областей русскимъ князьямъ идетъ особенно быстро и уже не сопровождается сколько-нибудь замѣтнымъ вооруженнымъ отпоромъ со стороны Мордвы. Изъ договоровъ московскихъ и рязанскихъ князей конца XIV в. и начала XV в. видно, что они захватили силой часть мордовскихъ земель [4]). Въ 1401 г. Мордва свободно пропустила чрезъ свою территорію войско московскаго великаго князя, проходившее въ Татарскую землю [5]). Изъ грамоты 1406 г. видно, что въ составъ Московской области незадолго до того вошло теченіе Алгаша, праваго притока Суры, на ю.-в. отъ г. Курмыша [6]). Въ половинѣ XV в. Московское правительство уже распо-

---

[1]) П. С. Р. Л. XXIII, 120—1; XVIII, 118—9.

[2]) Тоже, XVIII, 119; ср. XXIII, 121. „Въ настоящее время *зимницами* называются въ Нижегор. губ. зимніе курные срубы съ плоской крышей, служащіе пріютомъ при лѣсной разработкѣ“: Нижегородскій лѣтописецъ. Работа А. С. Гацискаго, 2, прим. Зимница обозначаетъ также землянку, ледникъ, холодную избу: Словарь р. яз. Акад. Наукъ.

[3]) См. приложеніе I.

[4]) И. Смирновъ. Указ. соч. „Изв.“ т. X, 601.

[5]) Полное собр. р. лѣт. XVIII, 149.

[6]) Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XI, 513—4.

ряжалось мордовскими землями, входившими въ составъ удѣла царевича Касима (Кайсыма). Отъ 1502 г. до насъ дошла грамота на владѣніе землей, данная мордвину дер. Каляевой [1]). Это показываетъ, что въ XVI в. Мордва находилась въ полномъ подчиненіи у Москвы.

Почти одновременно съ Эрзянской землей была подчинена Москвѣ и Мокшанская область. Буртасы во время Куликовской битвы стояли на сторонѣ Мамая; но черезъ 6 лѣтъ, въ 1386 г., мещерская рать участвуетъ въ походѣ Дмитрія Донского противъ новгородцевъ [2]). Дѣло объясняется тѣмъ, что вскорѣ послѣ Куликовской побѣды онъ купилъ Мещерскую область у князя Александра Увковича, и эта покупка въ договорахъ ок. 1381 г. и 1385 г. была закрѣплена формальнымъ признаніемъ правъ Москвы со стороны рязанскаго князя [3]). Въ 1392 г. сынъ Донского Василій получаетъ и ханскій ярлыкъ на владѣніе Мещерой, вмѣстѣ съ Нижнимъ-Новгородомъ, Городцомъ и Торусой [4]): это, очевидно, то селеніе, которое въ спискѣ залѣсскихъ городовъ 1424 г. названо Мещерьскимъ (см. выше). Изъ этого списка, изъ извѣстій 1521 и 1533 г.г. [5]), изъ духовнаго завѣщанія Ивана III (†1505 г.) [6]) и изъ договора Дмитрія Донского съ рязанскимъ княземъ Олегомъ [7]) видно, что оно находилось близъ Оки, на правой сторонѣ, ниже устья рѣки Мокши. Такимъ образомъ, только послѣ Куликовской битвы Москва стала прибирать себѣ мордовскія земли; наоборотъ, Рязань для того была слиш-

---

[1]) И. Смирновъ, указ. соч. X, 601. По словамъ Смирнова, въ 1422 г. Московскому великому князю принадлежали Кадомъ и Елатьма. Однако, въ спискѣ городовъ 1424 г. среди „залѣсскихъ", т. е. московскихъ и новгородскихъ, не упоминаются ни Кадомъ, ни Елатьма. См. Новгор. лѣтопись по Синод. харат. списку, с 448—9. Нѣтъ о нихъ свѣдѣній и въ другихъ извѣстныхъ мнѣ источникахъ.

[2]) Полное собр. р. лѣтописей IV, 93; V, 241.

[3]) Соловьевъ, исторія Россіи, кн. I, 984, 1141; Собр. госуд. грамотъ и договоровъ, I, № 32.

[4]) Полное собр. р. лѣт. XXIII, 132—3.

[5]) Тоже, XXII, 518: „Казанскій царь приходилъ на „Муромскія мѣста и на Мещерскія"; 522: „Казанской царь, а съ нимъ царевичи приходили на Мещеру и на Касимовъ городокъ." Иногда ошибочно отождествляютъ Городецъ (на Волгѣ), Мещеру и Касимовъ. Послѣдній подъ 1474 г. названъ Новогородкомъ на Окѣ.

[6]) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, I, № 144: Василію Ивановичу даны волости: „Нижній-Новгородъ съ Мордвами и Черемисою, Муромъ съ Мордвами и Черемисою, Мещера и съ Кошковымъ (не ошибка ли—вмѣсто „съ Касимовымъ"?), да князи мордовскіе всѣ".

[7]) Тоже, № 32: „А межи насъ роздѣлъ земли по рѣку по Оку, отъ Коломны, въ верхъ по Окѣ... а на низъ по Окѣ—по рѣку по Тцну, отъ усть-Тцны въ верхъ по Тцнѣ; что на московской сторонѣ Тцны, то къ Москвѣ". „Московскою стороною" Цны названа, конечно, восточная сторона. Въ XIV в. Мокшу признавали притокомъ Цны, а Цну—притокомъ Оки.

комъ слаба. Такъ, намъ извѣстно, что ханъ Тагай, утвердившійся въ 1361 г. въ мокшанскомъ центрѣ, въ Наручади (теперь—Наровчатъ), въ 1365 г. сжегъ Переяславль Рязанскій[1]).
Отдѣльные мордовскіе роды изъ Мещеры очень рано, еще въ первой половинѣ XIV в. переселяются на лѣвый берегъ Оки и здѣсь легко поддаются обрусѣнію. Такъ, въ завѣщаніи Ивана (сына Калиты, † 1359 г.) впервые упомянута волость Мещерка у Коломны[2]).

Вѣроятно, съ конца XIV в. отдѣльные роды или семьи Мордовскаго племени проникаютъ и въ Новгородскую область, и поселяясь среди сплошного русскаго населенія, быстро теряютъ признаки своей національности. На это указываютъ нѣкоторыя названія населенныхъ мѣстъ, сохраненныя въ писцовыхъ книгахъ Новгородской земли конца XV в. Здѣсь въ пятинахъ Водьской и Деревской мы находимъ деревни Мордвиново, Макшея, Макшино, Мещерка. Въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ находимъ крестьянъ съ прозвищами Мордвинъ, Мокшинъ. Въ 1582 г. отмѣчены новыя поселенія, названія которыхъ указываютъ на новый приливъ Мордвы въ Новгородскую область: въ Деревской пятинѣ встрѣчаемъ селеніе Мокшино, а въ Водьской пятинѣ—починокъ Ерзовъ [3]); названіе послѣдняго свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ поставленъ переселенцами изъ племени Эрзи.

Одновременно съ обрусѣніемъ мордовскаго крестьянства происходитъ и обрусѣніе отдѣльныхъ лицъ изъ мордовской аристократіи. Съ XVI в. среди московскихъ дворянскихъ родовъ появляется родъ Мордвиновыхъ; а съ 1534 г. среди московскихъ служилыхъ людей появляются Мещериновы [1]) (фамилія кн. Мещерскихъ, очевидно, географическаго происхожденія). Это довольно интенсивное обрусѣніе обоихъ мордовскихъ племенъ легко объясняется непосредственнымъ участіемъ ихъ въ военныхъ событіяхъ XVI в.

---

1) Исторія Соловьева I, 973 и прим. Полное с. р. лѣт. XVIII, 101, 104; XXIII, 113—4. Въ договорѣ Рязани съ Москвою 1483 г. первая обязывалась не принимать къ себѣ мещерскихъ князей, отыскивать ихъ и выдавать (Соловьевъ, I, 1387). Трудно сказать, какіе это князья: татарскіе или мордовскіе? Въ завѣщаніи 1505 г. рядомъ съ Мещерою упоминаются мордовскіе князья, какъ подчиненные Москвѣ. Въ 1443 (по Никон. лѣт. въ 1444) въ битвѣ на рѣчкѣ Листани, подъ Переяславлемъ-Рязанскимъ на сторонѣ русскихъ противъ татаръ участвовала «Мордва на ртахъ (т. е. лыжахъ) съ сулицами (т. е. копьями), и съ рогатинами и съ саблями». Полное собр. русскихъ лѣт. XII, 62. Въ другихъ лѣтописяхъ нѣтъ подробностей битвы.

2) Исторія Соловьева, I, 1123, 1125. Есть с. Мещерское и въ Подольскомъ у. Моск. губ., но мнѣ неизвѣстно время основанія этого села.

3) Трусманъ, Чудско-литовскіе элементы въ новг. пятинахъ.

4) Исторія Соловьева, II, 6,1190: III, 123, 333—6.

Въ 1535 г. «мордвичи Рязанской земли» участвовали въ походѣ московскаго войска на Литву[1]). Вся мордовская область окончательно должна была подчиниться Москвѣ при покореніи Казани. При движеніи Грознаго на Казань, Мордва, по преданію, встрѣтила московскаго царя и въ знакъ покорности поднесла ему чашки съ землей и пескомъ[2]). Вскорѣ послѣ того, въ 1547—1572 г.г. центръ Мордовской земли, Арзамасъ, участвовалъ въ Ливонской войнѣ подъ начальствомъ кн. Хворостинина[3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжается процессъ сліянія русскаго населенія съ Мордвою. Знаменитый сибирскій герой Ермакъ носилъ мордовское имя, извѣстное изъ старыхъ документовъ: такъ, въ актѣ 1677 г. упоминается мордвинъ Ермачокъ Атмановъ[4]).

Еще важнѣе для обрусѣнія Мордвы было участіе ея въ охранѣ южной границы Московскаго государства. Правильная охрана была организована въ 1571 г. Въ пограничныхъ пунктахъ были разставлены сторожи, военные отряды изъ станичниковъ. Составъ отрядовъ былъ весьма разноплеменнымъ: тутъ находились Татары, Мордва, Чуваши, Мещеряки (XVI в.), Черкасы, Литва, Нѣмцы, Татары казанскіе, свіяжскіе и мещерскіе (XVII в.). Мордва упоминается въ грамотахъ 1571 г., 1577, 1578, при чемъ упоминаются станичники изъ городовъ Темникова и Кадомы, съ рѣкъ Мокши и Цны[5]).

Въ эпоху татарскаго владычества мордовскія земли отданы были въ управленіе татарскимъ князьямъ и мурзамъ; участки отдѣльныхъ мурзъ назывались белякамп[6]). Съ теченіемъ времени въ той же роли стали выступать русскіе помѣщики: нижегородскія вотчины мордовскихъ князей (еще упоминаемыхъ ок. 1505 г.) всѣ были отданы русскимъ землевладѣльцамъ и монастырямъ. Въ концѣ XVI в. мы уже не встрѣчаемъ извѣстій о крупныхъ мордовскихъ владѣльцахъ; попадаются только грамоты на сборъ небольшого ясака (напр. въ 7 р. 50 коп. въ годъ),

---

1) Полное с. р. л. IV, 300.

2) „Русскій Вѣстникъ", т. 69 (1867 г.), іюнь, с. 507, (Мельниковъ, Полное собр. сочиненій, XII, 24). Ср. Исторію Соловьева, II, 66, 74. См. также Этнографич. Обозр. 1913, № 1—2, стр. 21.

3) Тамъ же, 508, прим. (XII, 25, прим.); Соловьевъ II, 113.

4) Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XI, в. 2, стр. 281. О томъ, что Ермакъ не могъ быть ни Ермиломъ, ни Ермолаемъ, см. статью г. Газенвинкеля тамъ же, т. X, в. 2, с. 238—240. Имя Ермакъ, употреблявшееся у черемисъ, вотяковъ и чувашей (тамъ же, т. XXI, вып. 3, с. 39), восходитъ къ финскому слову: ср. лопар. jierbmok—разумный, понятливый.

5) Бѣляевъ, О сторожевой службѣ, источники, стр. 13, 16, 25, 28, 34 (Чтенія въ О-вѣ Ист. и Древн. 1846, № 4). Ср. Соловьева, II, 363—7.

6) Мордва, Смирнова (Изв. Общ. Арх. X, 318—322, 602).

обезпечивавшаго только одну семью просто служилаго человѣка, напр. станичника: такова грамота, закрѣпившая въ 1580 г. отцовскій ясакъ за Кадомскимъ мурзою Ишеемъ[1]).

Лишившись крупныхъ земельныхъ угодій, Мордва должна была потерять свою аристократію[2]). Потерею аристократіи и приближеніемъ быта къ быту русскихъ холоповъ и крестьянъ легко объясняется неизмѣнное участіе Мордвы въ народныхъ движеніяхъ XVII и XVIII в.в. Въ 1606 г., при Шуйскомъ, Мордва стала во главѣ холоповъ и крестьянъ, осаждавшихъ Нижній-Новгородъ; предводителями ихъ были два мордвина Московъ и Вокорлинъ; черезъ три года Мордва вновь осадила Нижній вмѣстѣ съ приверженцами второго самозванца[3]). Въ 1662 г. Мордва участвовала въ возстаніи Башкировъ, Татаръ, Чувашей, Черемисовъ и Калмыковъ. Въ возстаніи Разина Мордва играла весьма видную роль и поплатилась тѣмъ, что въ Алатырскомъ уѣздѣ былъ сожженъ рядъ мордовскихъ деревень[4]).

Много мѣшали обрусѣнію Мордвы старанія правительства и церкви распространять среди нея христіанство насильственными мѣрами и обѣщаніями экономическихъ льготъ. Первый указъ, понуждавшій Мордву къ крещенію, былъ изданъ въ 1681 г. Этотъ указъ обѣщалъ крещаемымъ льготу на 6 лѣтъ во всякихъ податяхъ [5]). Неизвѣстно, каковы были послѣдствія этого указа; но послѣдствія болѣе крутыхъ мѣръ, принятыхъ знаменитымъ проповѣдникомъ Димитріемъ Сѣченовымъ, въ бытность его нижегородскимъ епископомъ, были весьма печальными. Въ 1743 году, онъ, объѣзжая епархію, велѣлъ разорить мордовское кладбище, находившееся подлѣ церкви въ селѣ Сарлей Терюшевской волости[6]). Мордва напала на епископа, и онъ принужденъ былъ спрятаться въ погребъ мѣстнаго священника. Послѣ донесенія объ этомъ происшествіи, противъ непокорныхъ былъ отправленъ премьеръ-майоръ Юнгеръ. Мордва его встрѣтила толпою въ 1000 человѣкъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, луками и рогатинами. Толпа была разбита, было убито 35 человѣкъ, раненъ 31, и предводитель ея приговоренъ къ сожженію. Случай этотъ хорошо рисуетъ

---

[1]) Соловьевъ, II, 387. Имя мурзы—финское: ср. финск. iso—большой, значительный, знатный.

[2]) Ср. судьбу Болгаръ подъ турецкимъ владычествомъ.

[3]) Соловьевъ, II, 815, 873.

[4]) Тоже, 312-6, 322, 577.

[5]) Тоже, III, 873.

[6]) Пѣсни, записанныя Л. Ѳ. Пышкиной въ этомъ селѣ, см. въ приложеніи II.

отношеніе Мордвы къ христіанству и къ его представителямъ. Предводитель толпы Несмѣянко былъ новокрещенымъ, но, увидѣвъ дѣйствія русскаго архіерея, онъ снялъ съ себя крестъ и раскололъ икону[1]).

Послѣ расправы со 130 главными участниками въ возстаніи села Сарлей, Димитрій Сѣченовъ не успокоился: въ 1745 г. онъ послалъ вмѣстѣ съ командой для взысканія недоимокъ попа Алексѣя Мокѣева для крещенія жителей села. Мордва побила священника и напала на команду; нападающіе были вооружены рогатинами, бердышами, стрѣлами и дубинами. Отправлена была рота драгунъ; чтобы избѣжать наказанія, жители Сарлея и окрестныхъ деревень Терюшевской волости обѣщали принять крещеніе. Это было въ іюнѣ 1745 г.; въ іюлѣ того же года «Мордва той же Терюшевской волости подала просьбу императрицѣ, что епископъ Димитрій насильно принуждаетъ ее къ принятію христіанства, держитъ многихъ подъ крѣпкимъ карауломъ въ кандалахъ и колодкахъ, бьетъ мучительски, смертно; и въ купель окунали связанныхъ, и крестъ надѣвали на связанныхъ же; кладбища ихъ и моленные амбары архіерей всѣ пожогъ и домы разорилъ, отчего многіе разбѣжались и живутъ въ лѣсахъ; оставшіеся пришли въ конечное разореніе, такъ что податей и помѣщичья доходу стало платить нечѣмъ. По выѣздѣ своемъ изъ ихъ волости, Димитрій оставилъ протопопа, который бьетъ ихъ и мучитъ, а губернская канцелярія правитъ на нихъ подушныя доимочныя деньги 7.000 рублей, будто за принявшихъ православную вѣру» [2]).

Результаты ревностной дѣятельности Димитрія Сѣченова—на лицо. Въ 1743 г. онъ писалъ Сенату, что «бунтовщики—не Мордва, а старые русскіе идолопоклонники, по-мордовски говорить не умѣютъ, а говорятъ ярославскимъ нарѣчіемъ, рознясь отъ русскихъ нижегородцевъ»[3]). Любопытное состояніе этихъ «русскихъ идолопоклонниковъ», отмѣченное епископомъ, сохранилось, повидимому, безъ значительныхъ измѣненій до нашего времени. Жители с. Сарлей и теперь еще считаютъ себя Мордвой, хотя и говорятъ, и поютъ по-русски[4]). Говоръ с. Сарлей—окающій[5]), и это, быть можетъ, заставило Сѣченова признать его «ярославскимъ нарѣчіемъ» (такъ какъ между говорами Ярославской губ.

[1]) Соловьевъ, V, 209—210.

[2]) Тоже, 328—9.

[3]) Тоже, 209.

[4]) См. пѣсни изъ с. Сарлей въ приложеніи II.

[5]) Оканье—неполное. См. данныя о говорѣ с. Дальняго Константинова, близъ с. Сарлей, въ Опытѣ р. діалектологіи, Соболевскаго, I, 106.

и окающими говорами Нижегородской губ. нѣтъ существенной разницы); говоръ «русскихъ нижегородцевъ» въ представленіи Сѣченова, конечно,—городской, и какъ таковой, онъ уже въ XVIII в. былъ преимущественно акающимъ, между тѣмъ какъ жители Ярославля до сихъ поръ еще въ значительной степени окаютъ.

Слѣдовательно, жители с. Сарлей, говорившіе по-русски еще въ сороковыхъ годахъ XVIII в., ни въ чемъ не измѣнились съ тѣхъ поръ. Они продолжаютъ считать себя не русскими, хотя говорятъ по-русски и, повидимому, строго охраняютъ старые мордовскіе свадебные обряды. Среди восьми свадебныхъ пѣсенъ, записанныхъ здѣсь г. Пышкиной [1]), нѣтъ ни одной русской по происхожденію, тогда какъ между тремя пѣснями не-обрядовыми оказалась одна (№ 1) чисто-русская.

Характернымъ результатомъ усердной дѣятельности Дмитрія Сѣченова и его помощниковъ (вѣроятно, и послѣдователей) является своеобразное отношеніе сарлеевцевъ къ церкви и духовенству, сказывающееся въ слѣдующихъ словахъ свадебныхъ пѣсенъ: «Не спасибо вамъ, попамъ, дьякамъ, церковникамъ-дуракамъ.... А нашимъ бы попамъ не вѣнчать,—лошадямъ корму давать» (№ 2). «Я боялася, опасалася Божьей церкви Сярлей-сёла́, поповъ, дьяковъ, церковныхъ дураковъ. Остыдили меня, опорочили попы, дьяки, церковные дураки» (№ 7) [2]).

Разсмотрѣніе исторіи русско-мордовскихъ отношеній ведетъ къ отрицанію взгляда Ключевскаго на способъ образованія великорусскаго племени, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ заселенію восточной части бассейна Оки. Въ письменныхъ памятникахъ оказались слѣды упорной борьбы пришельцевъ съ туземцами и упорнаго отстаиванія своихъ жилищъ послѣдними; памятники запомнили и „завоевательныя нашествія", и «оборонительныя возстанія» (слова Ключевскаго). Правда, происходила и борьба религій; столкновенія вызывались, дѣйствительно, и „попытками распространить христіанство"; но, кромѣ того, велась и борьба за территорію. Мы видѣли, что упорство Мордвы было сломлено только въ послѣдніе годы XIV в., послѣ Куликовской битвы, и въ теченіе всего XV в. До этого времени силы Мордвы были надломлены подчиненіемъ Татарамъ. Исторія сверженія татарскаго

[1]) См. приложеніе II.

[2]) Ср. съ этимъ отношеніемъ къ русской церковности новгородскую пословицу: «Путята крести мечомъ, а Добрыня огнемъ», а также преданіе о бѣгствѣ Мери „отъ русскаго крещенія". Ключевскій, Курсъ русской исторіи, I изд., I, 362, 377; Риттихъ, Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губ., ч. II. Казань 1870, стр. 22, 84.

владычества есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія подчиненія Мордвы Москвѣ. Наконецъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ Ключевскаго о томъ, что процессъ взаимодѣйствія Славянъ и Финновъ (Руси и Чуди) окончился поглощеніемъ Чуди Русью (с. 362—3). Процессъ этотъ далеко не законченъ, если видѣть въ немъ процессъ этнографическій, а не государственный. Еще не исчерпаны всѣ возможности вліянія „туземцевъ“ на «пришельцевъ». За самое послѣднее время вошли въ употребленіе горожанокъ мордовскіе женскіе кафтаны-шушпаны («рутсям»); богатство и своеобразіе мордовскихъ вышивокъ сулитъ имъ также широкое вліяніе въ Россіи. Конечно, весьма трудно предусмотрѣть всѣ подобныя возможности; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что указанный Ключевскимъ процессъ еще не окончился.

III. Отношенія русскихъ и Мордвы въ области народной поэзіи.

Предметъ, разсматриваемый въ этой главѣ моей работы, совершенно не изученъ, а потому, естественно, отраженіе русско-мордовскихъ отношеній въ поэзіи въ настоящее время не можетъ быть представлено полно. Произведенія мордовской поэзіи имѣются въ скудныхъ записяхъ; напр., попадаются только единичныя записи мордовскихъ былинъ, и пока трудно составить себѣ опредѣленное представленіе объ этомъ видѣ мордовскаго творчества.

Въ настоящей главѣ я укажу сначала на мордовскія преданія о русскихъ, затѣмъ русскія сказанія о Мордвѣ; послѣ того перейду къ вліянію мордовской поэзіи на русскую и обратно.

Древнѣйшее событіе, запомнившееся Мордвѣ-Эрзѣ,—постройка Нижняго Новгорода. Преданіе о немъ было найдено въ рукописи времени Петра I архим. Макаріемъ и было пересказано извѣстнымъ писателемъ П. И. Мельниковымъ въ слѣдующихъ словахъ (рукопись пока неизвѣстна):

«Во времена стародавнія, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Нижній Новгородъ, жилъ мордвинъ Скворецъ, *онъ же Месегетянинъ* [1]), другъ и помощникъ Соловья разбойника, связаннаго Ильею Муромцемъ. Здѣсь онъ женился на 18-ти женахъ, которыя родили ему 70

[1]) Записавшій преданіе книжникъ Петровскаго времени отождествляетъ Мордву съ Массагетами.

сыновей. Всѣ они жили вмѣстѣ, занимались скотоводствомъ, пасли стада на горѣ и по вечерамъ гоняли ихъ на водопой на Оку рѣку. Здѣсь же въ ущельяхъ горы обиталъ чародѣй Дятелъ, бывшій также нѣкогда въ ладахъ съ Соловьемъ. Его спрашивалъ Скворецъ о будущей судьбѣ своихъ дѣтей. Дятелъ отвѣчалъ: «Если дѣти твои будутъ жить мирно другъ съ другомъ, то долго будутъ владѣть здѣшними мѣстами; а если поссорятся, то будутъ покорены русскими, которые построятъ на устьѣ Оки градъ каменъ и крѣпокъ зѣло-зѣло, и не одолѣютъ его силы вражескія». Въ заключеніе Дятелъ просилъ Скворца о честномъ ему погребеніи. — Умеръ чародѣй Дятелъ, и похоронилъ его Скворецъ на мѣстѣ нынѣшняго Благовѣщенскаго монастыря; и прозвалось то мѣсто *Дятловы горы*. Умеръ за нимъ и Скворецъ. Предъ смертію онъ заповѣдалъ дѣтямъ своимъ взаимное согласіе и единодушіе. Но потомки ихъ, размножившись, стали враждовать между собою. И тогда св. Андрей Боголюбскій изгналъ ихъ съ устья Оки, а племянникъ его св. Юрій Всеволодовичъ, построивъ Нижній Новгородъ, исполнилъ предсказаніе Дятла» [1]).

Пересказавъ это преданіе, П. И. Мельниковъ въ 1867 г. прибавляетъ: «Съ нѣкоторыми измѣненіями легенда эта сохранилась въ устахъ народа (авторъ слышалъ ее во Владимірской губ. въ 1855 г.). Но въ устномъ преданіи мордовскій патріархъ столь многочисленнаго семейства, владѣвшій устьемъ Оки, называется не Скворцомъ, а Соколомъ. Замѣчательно, что въ Нижнемъ Новгородѣ, повыше Дятловой горы (вверхъ по теченію Оки), подлѣ т. н. Гребешка, гора, отдѣляемая отъ сего послѣдняго оврагомъ, называется «Соколомъ». Замѣчательно и то, что у некрещеной Мордвы до сихъ поръ (1867 г.) сохраняется старинное ихъ обыкновеніе давать новорожденнымъ имена птицъ, какъ напр.: Торай (гусь), Тыръ-Пыръ (дикій голубь) и тому подобныя» [2]).

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что преданіе, въ которое книжникъ внесъ имена «святыхъ» князей, прекрасно изображаетъ родовой бытъ мордвы, населявшей когда-то устье Оки. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оно не русское, а записано у Мордвы, вѣроятно, во времена

---

[1]) Полное собр. сочиненій Мельникова, XII, 420—421. Ср. Этнографич. Обозр. 1913, № 1—2, стр. 18, прим. 2; стр. 11, прим. 2.

[2]) Тамъ же, 10. Пересказанныя далѣе преданія, на стр. 10—16, весьма сомнительнаго происхожденія, и во всякомъ случаѣ относятся къ поздней эпохѣ. Участіе «выборнаго панка» Абрамки въ первомъ изъ нихъ указываетъ на начало XVII в. Ср. тамъ же, стр. 27—30.

Петра Великаго нѣсколько уже обрусѣлой, какъ обрусѣли жители с. Сарлей Нижегор. у. къ 1743 г. (см. выше).

Мордва-Эрзя до сихъ поръ хранитъ въ памяти былину о своемъ послѣднемъ царѣ Тюштѣ, при которомъ будто-бы русскіе покорили Мордву. [1]) Вотъ эта былина. «Тюштя царь-государь! Гдѣ Тюштя живетъ—поживаетъ? Живетъ онъ между двухъ горъ, живетъ на зеленомъ лугу. Его палаты въ нѣсколько ярусовъ. Тюштя сидитъ въ палатѣ, сидитъ Тюштя на лавкѣ; передъ нимъ дубовый столикъ, подъ его ногами серебряный стульчикъ; онъ пишетъ эрзянскія (мордовскія) бумаги. У его крыльца часовые, подъ его окномъ караулы. Часовые-то услыхали, караулы-то ему сказали: «Тюштя, Тюштя, царь Тюштя! ты самъ ни о чемъ не знаешь». Выходилъ Тюштя на крыльцо, мѣдную трубу онъ бралъ, на три стороны онъ трубилъ; собралъ онъ свой народъ Эрзянскій. «Эрзятъ, эрзятъ, а эрзятъ! Пойдемте мы себѣ землю посмотримъ»! Самъ Тюштя тронулся впередъ, народъ его—за нимъ. Они достигли до морского берега, стали кашу варить Русская-то сила чуть ихъ не находитъ, ой, опять чуть не настигаетъ. Тюштя махнулъ на двѣ стороны своимъ платкомъ—море-то («морясь») раздѣлилось, течь перестало. Тюштя-то говоритъ: «Народъ мой, давайте, срубите по дереву, киньте по травкѣ: мостъ сдѣлаемъ». Тюштя самъ впередъ тронулся, народъ его—за нимъ. Которые говорятъ: «Айда!» Которые говорятъ: Кашу-то («кашанть») съѣдимъ!» Русская-то сила тамъ чуть ихъ не настигаетъ. Царь Тюштя расердился. Онъ наотмашь махнулъ своимъ платкомъ—сошлось море-то въ одно мѣсто, стало море-то течь. Остающихся-то проклялъ («проклепинзе») царь Тюштя: «Вѣки вѣчные живите, боярамъ («боярonь») крестьянами, слугами будьте!» [2])

О томъ, что мордовскій князь ушелъ отъ русскихъ *за море*, говоритъ также преданіе, записанное въ Саратовской губ.

«Русскому понадобилась земля мордовская, и сталъ онъ просить у народнаго вождя, или князя мордовскаго, чтобы онъ по старой дружбѣ и по сосѣдству уступилъ нѣсколько земли, и именно столько, сколько можно охватить пеньковою ниткою, обмотанной нѣсколько разъ вокругъ человѣческой головы. Мордовскій инязарь согласился на прось-

---

[1]) Въ Пенз. губ. записана легенда о князѣ—*пахарь* Тюштянѣ. См. Смирновъ, Мордва. (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. XII, 351). Ср. еще преданіе Сарат. губ. о Тющанѣ: Шахматовъ, Мордовскій этнографическій сборникъ, стр. 24.

[2]) Образцы мордовской нар. словесности. Вып. I. Пѣсни. Казань. 1882. Стр. 51—55. Имя царя напоминаетъ чувашское имя *Тютяшъ*: В. Магницкій, Чувашскія языческія имена. Ср. финск. tyystä—строгій; крѣпкій.

бу своего сосѣда, который, выбравъ изъ своего племени что ни на есть дюжаго парня, обмоталъ вокругъ его головы такую безконечно длинную нить, что голова стала цѣлою горою, и нить, будучи размотана, охватила всю Мордовскую землю. Спохватился инязарь, да уже —поздно, и ушелъ за море, уступивъ добровольно свою землю» [1]). Это преданіе содержитъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ широко распространенное сказаніе объ обманѣ посредствомъ шкуры, разрѣзанной на тонкіе ремешки. О подчиненіи Мордвы русскимъ разсказываетъ еще одна былина, сложенная обрусѣвшей Мордвой и записанная въ 1848 г. священникомъ с. Сивухи (Рождественское тожъ) Нижегор. у. По этой былинѣ, московскій царь, проѣзжая по Волгѣ, увидѣлъ близъ Нижняго, на Дятловыхъ горахъ, молящуюся Мордву, пожертвовалъ на моляны по бочонку золота и серебра. Мордовскіе старики послали царю-мурзѣ большія блюда съ медомъ, хлѣбомъ и солью. Посланные молодые ребята съѣли все это и, наложивъ въ блюда земли и песку, поднесли московскому царю. Царь прославилъ Бога за то, что ему отдана была въ руки земля и, поплывъ ниже по Волгѣ, сталъ ее бросать горстями и щепоточками. Такъ образовались города и селенія[2]).

А priori можно предполагать, что отношенія между русскими и Мордвою должны были отразиться и въ русскомъ былевомъ эпосѣ. Дѣйствительно, названіе «мордовича» мы находимъ въ былинѣ, записанной Г. Н. Потанинымъ въ Томской губ. и озаглавленной пѣвцомъ-казакомъ «Полоняночка» [3]).

Не бѣлая лебедка въ перелетъ летитъ,
Красная дѣвушка изъ полону бѣжитъ.
Выбѣжала дѣвушка на дарью-рѣку и закричала:
«Охъ ты гой еси, матушка дарья-рѣка!
«Еще есть ли по тебѣ броды мелкіе,
«Еще есть ли по тебѣ калины мосты,
«Еще есть ли по тебѣ рыболовщички,
«Еще есть ли по тебѣ перевощички?»

---

[1]) Риттихъ, Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія. Ч. II. Казань. 1870. Стр. 217. Ссылка на «Опытъ медико-топографическаго описанія. Саратовскій уѣздъ». П. Барминскаго. Саратовъ. 1868. Ср. подобное преданіе въ Мордовскомъ этнографич. сборникѣ Шахматова, с. 46—48.

[2]) Миллеръ, Преданія о Казанскомъ походѣ: Этнографич. Обозр. 1913, № 1—2, стр. 18—22.

[3]) Юго-зап. часть Томской губ. «Этнографич. сборникъ», в. VI, стр. 92—94.

Увидавши перевозчика, она проситъ его перевезти ее на другую сторону, на святую Русь:

«Я за то плачу тебѣ пятьсотъ рублей,
«А мало покажется—восемьсотъ рублей,
«А еще мало покажется—ровно тысячу:
«Да еще плачу я добра коня,
«Да еще плачу съ плечъ куныю шубу,
«Да еще плачу съ груди скатъ жемчугъ,
«Да еще плачу свой золотъ перстень.»

Перевозчикъ соглашается перевезти ее, если она пойдетъ за него замужъ.

«Сватались за меня князья или бояриньі;
«Такъ пойду ли я за тебя, за мордовича?»

Въ это время позади дѣвушки показались два татарина-погоньщика. Она кинулась въ рѣку и утонула. Перевозчикъ досталъ ея тѣло изъ воды, и тогда призналъ въ ней свою сестру.

Въ изложенномъ пересказѣ пѣсня имѣетъ чисто-былинный стиль; самый сюжетъ до извѣстной степени напоминаетъ былину о князѣ Романѣ и женѣ его Марьѣ Юрьевнѣ, разобранную акад. Ждановымъ [1]).

Другіе пересказы «Полоняночки» записаны въ мѣстностяхъ, гдѣ былинная традиція почти иссякла, а потому всѣ они обрываются на обращеніи дѣвицы къ перевозчикамъ. Въ пересказѣ изъ Саратовской губ. [2]) за дѣвушкой—при погони: татары, калмыки и корсаки; названіе рѣки—Яикъ (Уралъ). Судя по этимъ именамъ, саратовскій пересказъ ведетъ свое происхожденіе отъ уральскихъ казаковъ. Что касается корсаковъ, то это вѣроятно, одна изъ киргизскихъ ордъ, мѣсто жительства которой опредѣляется озеромъ Карсакай, находящимся на лѣвой сторонѣ Урала, близъ г. Орска. Пересказъ изъ Терской области [3]) тоже воспринялъ мѣстныя черты топографіи: рѣка—быстрый Терекъ, перевозчики—гребенскіе казаки. Въ пересказѣ изъ Московской губ. [4]) за дѣвушкой гонятся «двое молодцы,» какъ и въ томскомъ варіантѣ, но они названы именемъ, болѣе извѣстнымъ въ средней Россіи: «не русскіе, французскіе.» Мѣсто рѣки занимаетъ море, черезъ которое

[1]) Русскій былевой эпосъ, 470, 490—1, 500. См. также: Марковъ, Бѣлом. былины, 123—5; Былины новой и недавней записи, 222—4; Григорьевъ, Арханг. былины III, 633.

[2]) Соболевскій, Великор. нар. пѣсни, VI, 236.

[3]) Тоже, 235—6.

[4]) Шейнъ, Великоруссъ, I, 185 (№ 709).

дѣвушка проситъ ее перевезти. Эта замѣна, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что названіе рѣки въ Томскомъ пересказѣ, «дарья,» употреблялось въ значеніи какъ рѣки, такъ и моря, соотвѣтственно значенію этого слова въ персидскомъ языкѣ. Въ первомъ значеніи оно употребляется въ пѣснѣ о татарскомъ полонѣ и въ былинѣ о Дарьѣ Бродовичнѣ, женѣ Дуная [1]); во второмъ значеніи — въ путешествіи Аѳанасія Никитина (дорія) [2]). Всѣ пересказы «Полоняночки,» кромѣ томскаго, отрывочны и носятъ слѣды позднѣйшей мѣстной обработки; наоборотъ, мордва совершенно неизвѣстна въ Томской губ. Поэтому перевозчикъ «мордовичъ» — черта старины, забытая во всѣхъ пересказахъ, кромѣ томскаго, сохранившаго ее вмѣстѣ со второй половиной былины.

Былина, извѣстная въ небольшомъ количествѣ пересказовъ, не даетъ опредѣленныхъ указаній на мѣсто происшествія. Можно только замѣтить, что она извѣстна лишь въ ю.-в. части Россіи и вовсе неизвѣстна на сѣверѣ, въ очагахъ былинной традиціи. Но сюжетъ ея, обработанный въ другомъ стилѣ, пѣсенномъ, извѣстенъ и въ другихъ мѣстахъ. Прежде всего, мы находимъ его въ двухъ великорусскихъ пересказахъ, записанныхъ въ Вятской и Вологодской губ. [3]). И тамъ, и здѣсь дѣйствіе происходитъ на *Волгѣ*. Два брата косили сѣно. Сестра несла имъ ѣство; навстрѣчу ей — два дворянина, дали ей коней держать. Стала она думать, что ей дѣлать:

«Отпущу я ко́ней во чистое поле,
«Узду кину-брошу подъ ракитовъ кустикъ,
«Сама кинусь-брошусь во матушку-Волгу!
«Теки, теки, Волга, во синёе море!
«Дуйте, вѣтерочки, со чистого поля,
«Доносите вѣсти до родимыхъ братцевъ!»

Братья услыхали, бросили косы и стали проклинать сѣно.

Эта пѣсня извѣстна у малороссовъ, бѣлоруссовъ и поляковъ и поется съ незначительными измѣненіями. Вотъ малор. пересказъ изъ рукописнаго пѣсенника средины XVIII в. [4]).

---

1) Кирѣевскій, VII, 56, прил., 197; III, 56.

2) Срезневскій, Матеріалы, I, 707.

3) Истоминъ и Ляпуновъ, Пѣсни русскаго народа, 168; Нижегородскій сборникъ. Подъ ред. А. С. Гацискаго. III, 119—120. Начало пѣсни, испорченное въ первомъ пересказѣ, исправляю по второму.

4) Печатается впервые изъ сборника, принадлежащаго Е. В. Барсову и найденнаго въ с. Леонтьевскомъ Угличскаго у. № пѣсни—58.

Два брата милы й сѣно косили,
Да тамъ при долинѣ!
Третья е сестра кушанье несла,
Да тамъ при зеленой (2)! [1])
Встрѣтили ея два дворянина,
Дали Анусѣ коня держати,
А сами сѣли, кушанье съѣли.
Видя Ануся, что они жартуютъ,
Пустила кони въ чистое поле,
Сама бросилась въ Черное море:
«Нехъ[2]) мое тѣло рыбонки съѣли,
«Нехъ мои руки не терпятъ муки,
«Нехъ мои очи песочикъ сточи,
«Русы косы й вода подноситъ!»

Въ этомъ пересказѣ, какъ и въ другихъ малорусскихъ [3]), не говорится о томъ, что братья узнали о смерти сестры, но объ этомъ упоминается въ польскомъ варіантѣ: «Плыви же, сестра, плыви же, наша! плыви рутяный вѣнокъ!» Этотъ варіантъ ближе къ великорусскимъ еще тѣмъ, что здѣсь братья косятъ, а въ малорусскихъ пересказахъ—пашутъ.

Сравнивая пѣсни о Ганнѣ съ былиной о полонянкѣ, мы видимъ, что онѣ новѣе былины. Это можно заключить изъ того, что въ послѣдней дѣйствіе болѣе мотивировано, чѣмъ въ пѣснѣ. Два дворянина соотвѣтствуютъ двумъ татарамъ, два брата—перевозчику; но роль татаръ и самоубійство дѣвушки въ былинѣ гораздо естественнѣе, чѣмъ въ пѣснѣ. Послѣдняя предполагаетъ, что отъ дома дѣвушки до луга, гдѣ косили братья, очень далеко, такъ что они не могутъ помочь сестрѣ. Эта неясность вела къ тому, что въ нѣкоторыхъ малорусскихъ пересказахъ и въ польскомъ дворянъ вовсе нѣтъ, и роль ихъ переходитъ къ братьямъ. Въ оригиналѣ пѣсни о Ганнѣ ея братьевъ-косцовъ, повидимому, совсѣмъ не было, какъ и въ былинѣ. Откуда же явился

[1]) Припѣвъ повторяется такъ послѣ каждаго изъ двухъ стиховъ.

[2]) Малор. и бѣлор. нехай, серб. нек=пусть.

[3]) Костомаровъ, Собраніе сочиненій, кн. VIII, 491, 562; Потебня, Объясненія малорусскихъ и сродныхъ нар. пѣсенъ, I, 193: II, 513 и сл. Бѣлорусскій варіантъ (Добровольскій, Смоленскій этногр. сборникъ, IV, 155, № 137, д) очень искаженъ. Мотивъ, входящій въ новыя малорусскія записи разсматриваемой пѣсни, встрѣчается и отдѣльно: Пѣсни, собранныя Гоголемъ, 263: Косичъ, Бѣлоруссы-литвины Черниг. губ., 72; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, I, 383 (№ 129), 393 (№ 150); Kozlowski, Lud. Warszawa. 1869, стр. 43.

этотъ персонажъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ слѣдующая болгарская пѣсня, сохраняющая женское имя малорусскихъ пѣсенъ. Янка пошла на Дунай по воду. Подъѣзжаетъ на лодкѣ снизу Ильчо и требуетъ, чтобы Янка пошла за него. Янка плачетъ. « Ильчо уѣхалъ; Янка въ Дунай скочила, Янка потонула, вѣнокъ поплылъ. Янка ему говоритъ: Пусть мать не ходитъ на Дунай за водою, а то она зачерпнетъ Янкиныхъ слезъ; *пусть братья не косятъ сѣна на лугу у Дуная*, а то они скосятъ Янкину косу; пусть мой милый тятя *не пашетъ ниву у Дуная, а то онъ запашетъ* Янкины кости» [1]). Изъ заповѣди тонущей дѣвушки: не косить братьямъ сѣно, не пахать ниву—пѣвцы сдѣлали реальный образъ, къ которому было уже легко присоединить бытовую крестьянскую картину сестры, понесшей кушанье братьямъ. Затѣмъ, когда былина о полонянкѣ была передѣлана въ пѣсню о крестьянской дѣвушкѣ, подвергшейся оскорбленію со стороны дворянъ, то кони полонянки обратились въ коней дворянъ, которые почему-то заставляютъ дѣвушку ихъ держать. Вообще пѣсня значительно новѣе былины и по отношенію къ послѣдней имѣетъ то значеніе, что сохраняетъ важнѣйшую черту той старой былины, отъ которой она произошла—имя Ганны, Аницы, Ануси, Янки. Имя это извѣстно нашему эпосу, въ которомъ упоминаются: Анна, племянница кн. Владимира [2]), Яннушка Путятична, невѣста Соловья Будимировича [3]), Аннушка, невѣста Хотѣна [4]), Аннушка, дочь Ляховинскаго короля [5]), дочь Литовскаго короля [6]), дочь князя Романа [7]), Анна Ивановна, крестовая мать Добрыни [8]), Аннушка, дочь вдовы и сестра девяти разбойниковъ [9]); два пересказа былины называютъ жену Ивана Грознаго Анной Романовной [10]).

Если имя Анны популярно въ нашемъ эпосѣ, то можно предполагать существованіе старой былины о дѣвушкѣ Аннѣ, утопившейся въ рѣкѣ. О древности пѣсенной темы свидѣтельствуютъ между прочимъ

---

[1]) Потебня, указ. сочин., I, 200.

[2]) Ончуковъ, 293; Гильфердингъ, № 21.

[3]) Ончуковъ, 46.

[4]) Тоже, 193.

[5]) Былины новой и нед. записи. 178.

[6]) Гильфердингъ, № 97=Рыбниковъ, втор. изд., т. I, 303.

[7]) Кирѣевскій, V, 102; Кирша Даниловъ, 157. Отсюда имя дочери перешло въ сходную пѣсню о донскомъ казакѣ: Соболевскій, I, №№ 102, 104.

[8]) Кирша Даниловъ, 29.

[9]) Соболевскій, I, № 190.

[10]) Гильфердингъ, №№ 142, 201.

то обстоятельство, что она сохранилась въ преданіи чувашей Казанской губ. По этому преданію, чувашская дѣвушка, не желая выйти замужъ за черемисина, бросилась въ Волгу, и теперь на днѣ рѣки видно ея серебряное грудное украшеніе [1]).

Былина изъ Томской губ. любопытна тѣмъ, что изображаетъ случай, возможный, вѣроятно, лишь въ древнее время, когда нѣкоторое количество русскаго населенія должно было стоять подъ знаменами мордовскаго князя. Только при этомъ условіи возможенъ былъ случай, рисуемый былиной: братъ настолько потерялъ свое русское обличіе, что сестра приняла его за мордвича [2]).

Болѣе ярко отразились отношенія русскаго крестьянскаго населенія къ мордовскому въ разсказахъ, записанныхъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ соприкасаются оба эти населенія. Въ этихъ разсказахъ анекдотическаго характера подмѣчены наивность и незлобивость Мордвы, пасующей передъ хитростью русскаго крестьянина [3]). Близъ г. Кадома записанъ разсказъ о томъ, какъ русскій хитростью обмѣнялъ свою плохую лошадь на хорошую лошадь мордвина, а затѣмъ, когда плохая лошадь у мордвина околѣла, онъ сумѣлъ утащить у него и ея шкуру. Два разсказа, записанные въ Нижегородской губ. (на р. Пьянѣ), рисуютъ такую же простоватость Мордвы-Эрзи. Мордвинъ, возвращаясь съ Волги домой съ русскимъ, предложилъ ему попеременно нести другъ друга; тотъ, кого несутъ, долженъ пѣть пѣсню. Русскій затянулъ такую безконечную пѣсню, что мордвинъ не могъ его далѣе нести, а русскій, отдохнувъ на плечахъ мордвина, продолжалъ путь. Наивность мордвина слишкомъ утрированно изображена въ слѣдующемъ анекдотѣ. Мордвинъ, женившись на беременной дѣвушкѣ и увидѣвъ черезъ недѣлю, что она родила, купилъ на базарѣ 52 колыбели: онъ рѣшилъ, что жена принесетъ ему въ годъ 52 ребенка. Другой анекдотъ недурно рисуетъ степень усвоенія Мордвой христіанской религіи. Не находя своихъ свиней, мордвинъ обѣщалъ поставить свѣчку «Кузьмѣ-Демьяну», но когда свиньи нашлись, онъ въ радости сказалъ: «Ахъ вы чушеньки, мои матушки! Я вѣдь чуть-чуть за васъ свѣчку не поставилъ Кузьмѣ-Демьяну»!

Переходя къ вопросу о вліяніи мордовскихъ пѣсенъ на русскія,

[1]) Магнитскій, Матеріалы къ объясненію стар. чувашской вѣры, Казань. Стр. 64.

[2]) Ср. съ русской былиной эрзянское преданіе о томъ, что въ старину братъ могъ жениться на сестрѣ. Смирновъ, Мордва, «Изв. О-ва Арх.» XI, 456—7.

[3]) Аѳанасьевъ, Народныя р. сказки, № 248, x, y, z, aa.

я долженъ оговориться, что этотъ вопросъ до сихъ поръ не ставился въ наукѣ, и естественно, я не могу претендовать на полноту отвѣта. Быть можетъ, впослѣдствіи будутъ указаны случаи болѣе значительнаго мордовскаго вліянія на русскую народную поэзію. Я же пока долженъ ограничиться указаніемъ на два слѣдующихъ случая.

Мотивъ извѣстной пѣсни поволжскаго происхожденія, озаглавленной въ сборникѣ акад. Соболевскаго «Каннибальское угощеніе» [1]), повторяется въ мордовской пѣснѣ о томъ, какъ имп. Павелъ Петровичъ собирался управлять своими подданными: «Изъ рукъ и ногъ ихъ мостикъ намощу, балясы понадѣлаю, на балясахъ-то человѣчьи головы наставлю; изъ костей ихъ плотину всплочу, мельницы понастрою; изъ черной крови ихъ воду течь пущу, изъ красной крови ихъ стану печати печатать» [2]). Тотъ же мотивъ повторяется еще въ двухъ пѣсняхъ: въ одной хозяйка съ работникомъ убили хозяина: «изъ кровушки его рѣку пустили, мясомъ его прудъ спрудили»; въ другой — жена разсказываетъ о смерти мужа: «Изъ его кровушки прудикъ запрудили, изъ его костей плотикъ сплотили» [3]). Въ виду того, что этотъ мотивъ является лишь въ одной изъ великорусскихъ пѣсенъ, и притомъ поволжской,—слѣдуетъ въ этой послѣдней видѣть продуктъ мордовскаго вліянія.

/ Цѣликомъ заимствована великоруссами слѣдующая мордовская пѣсня о конѣ и соколѣ: «Возлѣ моря, на крутомъ берегу серебряный столбъ. Въ столбъ вбито золотое кольцо. Къ кольцу привязанъ карій конь, на столбѣ—ясный соколъ. Соколъ съ конемъ спорятъ, тягаются. О чемъ они спорятъ, тягаются? Конь говоритъ: «Земля широка, великая!» Соколъ говоритъ: «Небо высоко, велико!» Конь поскакалъ вокругъ земли мокрыми мѣстами, между кочками, по кочкарнику. Соколъ полетѣлъ по поднебесью, за густымъ облакомъ, сквозь зарю. Который поспѣетъ къ тому столбу, къ золотому кольцу—тотъ пусть будетъ землю держащій, народъ кормящій: конь вернулся, конь поспѣлъ къ тому столбу. Конь сталъ землю держать, народъ кормить» [4]). Мор-

[1]) Великорусскія нар. пѣсни, I, 211—224; VII, 629. „Молодецъ казанецъ, душа астраханецъ"... „Я живалъ бывалъ въ Казани, выросъ въ Астрахани". Объ этой пѣснѣ см. Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, 2 изд., 265; «Этногр. Обозр.» 1907, № 4, стр. 88. См. еще въ приложеніи III, №№ 1 2: Добровольскій, „Смоленскій этногр. сборникъ, IV, 595.

[2]) Образцы мордовской нар. словесности, изд Мисс. общ., I, 59—61. Ср. Шахматова, Мордовскій этнографич. сборникъ, с. 558—560.

[3]) Образцы, 117, 201.

[4]) Образцы 1, 159.

довская пѣсня—не что иное, какъ миѳъ, объясняющій переходъ народа отъ охотничьяго быта къ земледѣлію. Споръ между конемъ и соколомъ обрисовывается вполнѣ ясно: если небо важнѣе земли, то соколъ будетъ кормить народъ; если же земля важнѣе неба, то кормильцемъ народа будетъ конь, безъ котораго невозможно земледѣліе. Подобная пѣсня извѣстна въ восточной Россіи—въ Уфимской губ., въ Уральской области, въ Терской и въ Донской [1]). Въ великорусскихъ пересказахъ миѳическій смыслъ пѣсни забытъ. Вмѣсто опредѣленнаго спора о небѣ и землѣ, между конемъ и соколомъ является безцѣльное состязаніе: «Еще кто поспѣетъ на сине море», или «Кто скорѣй будетъ у мѣстечка у урочнаго, у того-ли было колодезя у студенаго»[2]). Результаты состязанія изложены также неопредѣленно: соколъ или признаетъ коня набольшимъ братомъ, или проситъ прощенія, на что́ конь отвѣчаетъ угрозой его убить. Такъ же мало опредѣленности въ малорусскомъ пересказѣ этой пѣсни, вѣроятно, заимствованномъ у донскихъ казаковъ[3]). Что касается начала великор. пѣсни, въ которомъ описывается дубъ, то оно восходитъ къ такому варіанту мордовскаго миѳа, въ которомъ было подобное описаніе. Вотъ зачинъ великорусской пѣсни:

Какъ во да̀лечѣ, по да̀лечѣ, во чисто́мъ полѣ
Выросталъ тутъ батюшка сыръ матёрый дубъ.
У сыра дуба кореньице булатное,
У сыра дуба коринушко жемчужное,
У сыра дуба сучья-вѣточки хрустальные,
На сыру дубу шкорочка желѣзная,
Вершинка у дуба она позлаченая,
А на вѣточкахъ листушки коровайнаго [4]) золота,
Цвѣты [5]), желуди на сыромъ дубу они все алмазные,
На сыромъ дубу листоченьки бумажные.
На сыру дубу свито гнѣздышко соколиное.

---

[1]) Соболевскій, I, 578—583: „Библіотека для чтенія“ 1861 г., № 3, стр. 97—8: „Русскій Филологическій Вѣстникъ“ 1879 г., № 2, с. 200: Воротниковъ, 80 народныхъ пѣсенъ, III, 11: Школьный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ для средняго и старшаго возраста. М. 1910. № 23.

[2]) Ср. въ малор. пересказѣ: „Закладався орелъ зъ конемъ а за тні криниченьки“.

[3]) Костомаровъ, Историч. знач. ю.-р. пѣсеннаго творч.: Собраніе сочиненій, кн. VIII, 652 и прим. 7.

[4]) Сусальнаго золота, которымъ украшаютъ короваи.

[5]) Въ подл. „цвѣтъ и“ (Собол. № 494).

Этотъ зачинъ свойственъ мордовскимъ пѣснямъ.

Вотъ, напр., начало мордовской пѣсни о яблонѣ, предсказавшей несчастье боярину: «Уродилась яблоня въ большомъ полѣ... Вокругъ земли корни ея, вокругъ неба сучечки ея; вѣточки ея съ локоть длины, листочки ея въ руку ширины; вѣточки ея кольцеобразныя кудерцы, почечки ея шелковые комочки, яблочки ея съ кулакъ. Съ которой стороны солнце восходитъ, яблочки ея краснѣются; на которой сторонѣ заходитъ солнце, яблочки ея бѣлѣются» [1]).

Русское вліяніе на мордовскую поэзію, конечно, должно было быть гораздо могущественнѣе, нежели указанное выше, обратное вліяніе. Тѣ черты этого вліянія, которыя соприкасаются съ религіозными вѣрованіями и обрядами, отмѣчены были уже Ключевскимъ [2]). Перенимая у сосѣдей празднованіе Коляды [3]), Мордва должна была перенимать и русскія колядскія пѣсни [4]). Въ полуязыческихъ молитвахъ крещеной Мордвы, записанныхъ въ 1840 г., совсѣмъ не замѣтно вліянія церковныхъ молитвъ; напротивъ, вліяніе русскихъ народныхъ заговоровъ бросается въ глаза. Обращаясь къ Пазу (Богу), молящіеся просятъ его сохранить ихъ отъ «благгый причада, благый стречада, лиходейда, злодейда, лихой лиманде», т. е. отъ благой (дурной) притчи (притки), благой стрѣчи, лиходѣя, злодѣя, лихого человѣка [5]). Сохраненіе въ этой молитвѣ русскихъ спеціальныхъ терминовъ, постоянно встрѣчающихся въ заговорахъ [6]), свидѣтельствуетъ о томъ, что она восходитъ къ русскому оригиналу.

Можно указать также цѣлый рядъ пѣсенъ, перешедшихъ отъ русскихъ къ Мордвѣ. Такова пѣсня о смерти солдата въ Саратовской степи; на то, что она заимствована отъ русскихъ, указалъ г. Евсевьевъ [7]). Такова подобная же пѣсня объ убитомъ молодцѣ, широко распространенная по всей Россіи [8]). Такова пѣсня объ убійствѣ разбой-

---

[1]) Образцы, I, 211, 65: ср. 93.

[2]) Курсъ русской исторіи, первое изд., I, 374–6.

[3]) Минхъ, Моляны и обряды Мордвы Сарат. губ. „Этногр. Обозр." 1892, № 4, стр. 123, 127.

[4]) Шахматовъ, Мордовскій этнографич. сборникъ, с. 517—8.

[5]) Минхъ, указ. статья, стр. 122.

[6]) См., напр., Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, изд. 2, т. III, с. 223—5, 226, 228, 229.

[7]) Образцы мордовской народной словесности, вып. I. Мокшанскія пѣсни. Стр. 12. (Извѣстія Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Каз. унив., т. XIII, вып. 6).

[8]) Образцы мордовской нар. слов., вып. I. Пѣсни. Изданіе Миссіонерскаго общества. Казань. 1882. Стр. 13—15. Ср. Соболевскій, Великорусскія нар. пѣсни, I 437—445, 464—472. Приложеніе III, №№ 3, 4.

никомъ шурина, тоже широко извѣстная: имя жены разбойника «Катя» прямо указываетъ на происхожденіе мордовской пѣсни [1]). Такова пѣсня, въ которой солдатъ проситъ офицера отпустить его съ моря домой [2]). Такова подобная же пѣсня о горѣ солдата, вспомнившаго, среди всеобщаго веселья и шума, о своей роднѣ [3]). На зависимость этой пѣсни отъ великорусской [4]) указываетъ присутствіе въ ней цѣлаго ряда русскихъ словъ.

Въ колядскихъ пѣсняхъ и въ заговорахъ-молитвахъ, перешедшихъ отъ русскихъ крестьянъ къ Мордвѣ, нужно видѣть результатъ сосѣдскаго вліянія. Простонародные обряды и вѣрованія легко усваивались Мордвой, которой мало или совсѣмъ не было знакомо христіанство. „Микола" или „Велький Васяй" (Великій Василій) стали извѣстны Мордвѣ не отъ чуждаго ей священника, а отъ близкаго по интересамъ и по уровню развитія сосѣдняго русскаго крестьянина. Что касается заимствованія русскихъ пѣсенъ, то оно могло происходить тѣмъ же путемъ. Но присутствіе среди заимствованныхъ пѣсенъ весьма большого процента пѣсенъ солдатскихъ и военныхъ позволяетъ видѣть здѣсь преимущественно вліяніе воинской повинности. Отбывъ военную службу, солдатъ-мордвинъ возвращался на родину съ запасомъ русскихъ пѣсенъ, конечно, военныхъ, солдатскихъ, и здѣсь долженъ былъ, желая сохранить ихъ въ памяти, переводить ихъ на языкъ, понятный односельчанамъ. Естественно, при этомъ въ мордовской обработкѣ задерживались иногда нѣкоторыя слова оригинала.

Совершенно своеобразный процессъ слѣдуетъ отмѣтить въ тѣхъ случаяхъ, когда обрусѣвшая Мордва вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ воспринимаетъ и русскія пѣсни. Эти пѣсни, конечно, отличаются нѣкоторымъ своеобразіемъ, вносимымъ пѣвцами—мордвинами. Такъ, въ былинѣ, записанной въ Саратовской губерніи отъ 80-ти-лѣтней мордовки

---

1) Образцы, изд. Мисс. общ. I, 23—25. Ср. Соболевскій, I, 278—294. Приложеніе III, №№ 5, 6.

2) Образцы, I, 5—9, 155—159; Шахматовъ, Морд. этногр. сборникъ, с. 560. Ср. Сборникъ памятниковъ нар. творч. въ с.-з. краѣ, подъ ред. Гильдебранта, 62; Косичъ, Литвины—бѣлоруссы Черниг. губ., 85; Матеріалы для изученія говоровъ; Изд. Ак. Наукъ. VIII, 418 Соболевскій, VI, 182—5. Приложеніе III, №№ 7, 8.

3) Обазцы, I, 43.

4) Васнецовъ, Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края, 196 [„Какъ со вечера ночи-то поютъ"—нужно: „кочеты поютъ" (пѣтухи)]; Васнецовъ, Пѣсни сѣверо-восточной Россіи, 44, 45; Чулковъ, Собраніе разныхъ пѣсенъ, т. I, ч. II, № 125. Приложеніе III, № 9.

изъ с. Мордовскаго Карагужа и напечатанной въ 1881 г. [1]), встрѣчаются особенности, которыя нельзя относить на счетъ русскихъ пересказчиковъ: „сѣрый булатъ, чудный царь, всѣ посудушки зазвенѣлися, глухой (вмѣсто *глубокъ*) погребъ.“

Выше (въ гл. II) я говорилъ о томъ, что Терюшевская волость Нижегородскаго уѣзда уже въ 40-ыхъ годахъ XVIII в. говорила порусски. Въ 1848 г. священникъ с. Сивухи (Рождественское тожъ), этой волости, записавшій двѣ былины, называетъ жителей Терюшевской волости „обрусѣвшей Мордвой-Терюханами“ и сообщаетъ, что эта волость въ 1700 г. была подарена Петромъ I Арчилу, сыну Вахтанга [2]), брату грузинскаго царя Георгія (1676—1688). Арчилъ, правитель Имеретіи, умеръ въ Россіи въ 1712 г. и похороненъ въ московскомъ Донскомъ монастырѣ. Грузинская лѣтопись „Картлисъ цховрэба“ говоритъ, что Петръ подарилъ Арчилу большое помѣстье [3]); слѣдовательно, сообщеніе указаннаго священника вполнѣ правдоподобно. Терюшевская волость упоминается еще въ XVII в.: она была занята казаками во время возмущенія Разина [4]).

Объ одной изъ былинъ, записанныхъ въ с. Сивухѣ, мнѣ уже приходилось говорить: это—пѣсенное преданіе о переходѣ Поволжья въ руки московскаго царя. Другая былина (с. 12—16) разсказываетъ слѣдующее. Въ деревнѣ Тоторшевѣ (или Торшовѣ) Саманька, дочь богатаго мужика Вачайки, хвалилась передъ подругами, что могла бы взять Казань, которую царь не можетъ взять въ 7 лѣтъ, въ 3 часа. Подслушали государевы *драгуны* и доложили царю. Царь послалъ за Саманькой *зеленыя коляски*. Саманька взяла у царя 50 боченковъ съ порохомъ, накатала подъ казанскую стѣну, воткнула въ порохъ восковыя свѣчи и дала царю свѣчку. Свѣча у царя сгорѣла, а порохъ еще не загорѣлся. Царь грозитъ снять съ нея голову; Саманька возражаетъ: „На волѣ свѣчки горятъ скорѣе, нежели какъ онѣ таютъ подъ землей.“ Догорѣли свѣчи до пороха;

Взяло Казань рвать,
Взяло стѣну метать.

[1]) Саратовскій Сборникъ, т. I, 1881 г., отд. II, с. 14. Перепеч. въ Былинахъ новой и недавней записи, № 8.

[2]) Миллеръ, Русскія и инор. пред. о казанскомъ походѣ: Этногр. Обозр. 1913, № 1—2, с. 12, 18.

[3]) Джанашвили, Къ матеріаламъ по исторіи и древн. Грузіи и Россіи, с. 29. См. еще Исторію Россіи Соловьева, кн. IV, 667, 686.

[4]) Соловьевъ, III, 316.

Царь спрашиваетъ у дѣвки, чѣмъ ее жаловать. Саманька проситъ позволенія царское лицо колоть, на лбахъ носить [1]), и отпустить ее на родину, къ отцу къ матери.

Пѣсня эта, несомнѣнно, довольно новаго происхожденія. Упоминаемые въ ней солдаты, драгуны и зеленыя коляски указываютъ на XVIII вѣкъ, какъ на время ея сложенія. Въ виду того, что одна изъ пѣсенъ, записанныхъ въ Терюшевской волости величаетъ царя Петра Алексѣева [2]), того, который отдалъ эту волость грузинскому царевичу, можно предполагать, что и пѣсня о Саманькѣ сложена при Петрѣ I. Поэтическимъ ея образцомъ была популярная русская пѣсня о взятіи Казани. Саманька въ XVIII в. легко могла быть поставлена въ роли пушкарей, подкопщиковъ и зажигальщиковъ. Всѣ подробности взятія Казани заимствованы изъ этой пѣсни. Нѣкоторыя изъ нихъ сближаются съ двумя пересказами, записанными въ Пермской губ.[3]) и въ Елабужскомъ у. Вятской [4]). Въ первомъ находимъ мотивировку гнѣва царя: „Свѣчки догорѣли—бочки не разорвало“,—а также подарки пушкарямъ. Во второмъ царь спрашиваетъ пушкаря, чѣмъ его жаловать; пушкарь отказывается отъ подарковъ и проситъ *отпустить его на свою сторону*. Отсюда видно, что въ основѣ пѣсни о Саманькѣ лежитъ одинъ опредѣленный варіантъ пѣсни о взятіи Казани; ближайшій къ нему варіантъ—тотъ, который былъ записанъ въ Елабужскомъ уѣздѣ [5]).

---

[1]) Пок. В. Ѳ. Миллеръ (ст. 17) сдѣлалъ предположеніе, „что она проситъ позволенья носить на лбу какую-нибудь бляху съ изображеньемъ царя въ воспоминанье о своей заслугѣ передъ нимъ—медаль съ царскимъ портретомъ.“ Проще дѣло объяснить такъ, что Саманька проситъ разрѣшить ношеніе налобниковъ съ проколотыми монетами: при нанизываніи приходится прокалывать изображеніе царскаго лица на монетѣ.

[2]) См. Приложеніе III, № 1.

[3]) Кирѣевскій, Пѣсни, вып. VI, 5, № 5.

[4]) Эта моя запись войдетъ въ сборникъ историческихъ пѣсенъ, подъ ред. Миллера, изд. II отд. Акад. Наукъ.

[5]) Извѣстный писатель Мельниковъ говоритъ, что „много былинъ распѣвается обрусѣлой Мордвой того (Нижегородскаго) края о Грозномъ царѣ, распѣваются онѣ и русскими, и каждая изъ нихъ (!) начинается обыкновенно словами:

Грозенъ былъ воинъ царь нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ;
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ—силою
Онъ прошелъ землю Мордовскую.

Но Мельниковъ написалъ свои „Очерки Мордвы“ по матеріаламъ архим. Макарія (см. Этнографич. Обозр. 1913, № 1—2, с. 8—22), которые доставлялись въ Географическое Общество (одна статья была прислана въ 1853 г.). Пѣсня объ Иванѣ Гроз-

Свѣдѣнія о народной словесности Мордвы Терюшевской волости, находимыя въ записяхъ 40-ыхъ годовъ XIX в., весьма отрывочны. Болѣе опредѣленное представленіе о пѣсняхъ обрусѣвшей Мордвы мы можемъ себѣ составить на основаніи 11 пѣсенъ, записанныхъ въ 1908 г. въ с. Сарлей Л. Ѳ. Пышкиной и предоставленныхъ ею въ мое распоряженіе[1]). Изъ этихъ пѣсенъ одна, № 1, должна быть признана чисто-русской. Всѣ остальныя представляютъ собою продуктъ творчества обрусѣвшей Мордвы. Въ нихъ мы находимъ слѣдующія неправильныя формы: № 1 сгрездился, съ котятишкамъ (=съ котяточками); свад., № 1 глубоумной, № 3 съ мелкимъ (=частымъ) кустикомъ, съ частымъ (=мелкимъ) прутикомъ, № 4 роща дубовая, дубровная—березнякъ, осинникъ (=дуброва), № 8 людьми (=людямъ) на смѣхъ. Совершено необычно употребленіе слова „хвостъ" въ смыслѣ „таліи" (№ 8); обычно въ этомъ смыслѣ употребляются слова „поясъ, пережимъ."

Есть и другіе признаки, указывающіе на то, что передъ нами—не русскія, а мордовскія пѣсни. Такъ, свад. пѣсня № 5 содержитъ обращеніе къ матери-печкѣ; подобное, но богаче развитое причитаніе, обращенное къ богинѣ печки „Уштумань-кирьди матушкѣ", извѣстно у Мордвы, сохранившей свой языкъ[2]). № 3 называютъ рябину ***святымъ деревомъ.***

Но на передѣлкѣ мордовскихъ пѣсенъ отразилось сильное вліяніе стиля великорусскихъ пѣсенъ. Укажу, напр., обычные пѣсенные эпитеты: родимый братецъ, черные вороны, буйная голова, сѣрая кошечка, рѣзвыя ноги, кудрявая рябина и проч. Въ языкѣ пѣсенъ встрѣчаются областныя слова, обычныя въ сѣверо-великорусскомъ (окающемъ) нарѣчіи: безуемница (№ 3)—неугомонная женщина, шаберъ—сосѣдъ,

---

номъ, съ такимъ же началомъ, была напечатана въ V вып. Этнографич. Сборника какъ записанная въ с. *Кужендѣевѣ* Ардат. у. (1862, Смѣсь, стр 28—30) изъ пѣсенъ Кирѣевскаго, вып. VI, с. 77—80, мы узнаемъ, что она была записана г. Реймерсъ. Ст. 3—4 приведены въ видѣ эпиграфа къ статьѣ арх. Макарія 1853 г., причемъ вмѣсто „въ страну Татарцкую" онъ пишетъ „въ страну: Татарщину," а Мельниковъ передѣлываетъ—„землю Мордовскую." См. также Архивные матеріалы по народн. языку и слов. „Р. фил. Вѣстн." т. I, 1879, № 2, с. 161—4; преданія о *Кужендѣѣ*, Этн. Об., 10—11.

[1]) Эти весьма любопытные матеріалы доставлены были мнѣ въ 1913 г., послѣ моего доклада 17 марта въ О-вѣ Этнографіи, Ист. и Языкознанія. Приношу г-жѣ Пышкиной глубокую благодарность за цѣнное добавленіе къ моей работѣ.

[2]) См. Смирновъ, Мордва, „Извѣстія", т. XII, 369.

клошный (4)—всклокоченный, сряда (8)—носильная одежда. плетни—кружева[1]).

Изъ разбора пѣсенъ, записанныхъ въ Терюшевской волости, можно сдѣлать тотъ выводъ, что эти произведенія представляютъ собою совершенно оригинальный фактъ среди народной поэзіи великорусскаго нарѣчія. Съ теченіемъ времени пѣсни обрусѣвшей Мордвы подвергнутся еще болѣе сильному вліянію со стороны великорусской пѣсни, и нѣкоторыя изъ нихъ, быть можетъ только въ качествѣ матеріала для новой обработки, будутъ распѣваться такимъ населеніемъ, которое окончательно сольется съ сосѣднимъ русскимъ населеніемъ и забудетъ о своемъ мордовскомъ происхожденіи. Тогда могутъ получиться примѣры русскихъ пѣсенъ, подобныхъ указаннымъ выше (каннибальское угощеніе; конь и соколъ). Такимъ образомъ, пѣсни Терюханъ даютъ представленіе объ одномъ изъ процессовъ заимствованія—при обрусѣніи самихъ носителей инородческой поэзіи. Другимъ процессомъ является простой переводъ или передѣлка чужого поэтическаго достоянія.

Сами же Терюхане, къ сожалѣнію, пока еще не изученные [2]), представляютъ громадный интересъ въ этнологическомъ отношеніи, какъ группа населенія, находящаяся въ переходной стадіи, какъ инородцы, которымъ суждено—быть можетъ, довольно скоро—забыть о своемъ инородческомъ происхожденіи.

Если подобные процессы обрусѣванія и въ болѣе древнее время ославянѣванія происходили на всемъ протяженіи великорусской территоріи, то это обстоятельство (пока, конечно, гипотетическое) дало бы утвердительный отвѣтъ на общій вопросъ, поставленный мною въ I главѣ настоящей частной работы [3]).

---

1) Ср. въ свад. пѣснѣ Нижегор. губ. у Шейна, Великоруссъ, II, 693, № 2272: „буйны головы прочесали, рубчеты плетни заплетали.“ Въ томъ же значеніи,—кружева, вышивки, „плетень“ въ пѣснѣ „Заплетися, плетень, заплетися“ и въ документѣ 1650 г. „однорядка женская, плетень золотной.“

2) Изученіе Терюханъ составило бы хорошую задачу для этнографа, діалектолога, фольклориста и антрополога.

3) Я не могъ воспользоваться хорошо извѣстной мнѣ книгой г. В. Семеновича: „Гелоны и Мордва. Матеріалы и изсл. по историч. географіи верховьевъ Дона и Оки“ (М. 1913), ибо въ I выпускѣ этой книги ни слова не говорится о Мордвѣ. Да и сомнительно, чтобы въ дальнѣйшихъ выпускахъ авторъ сумѣлъ связать Гелоновъ съ Мордвою.

А. Марковъ.

Приложеніе I.

(Къ главѣ II*).

Буртасъ и Бердасъ.

Для термина «Буртас» у арабскихъ географовъ мы имѣемъ у большинства изъ нихъ начертаніе برطاس, чтеніе котораго установлено Якутомъ «Буртас». У Ибнъ-Ростэ мы встрѣчаемъ нѣсколько иную орѳографію, а именно برداس, «Бердас». Эта форма затѣмъ встрѣчается у аль-Бекри и Шукруллаха. На это обстоятельство обратилъ вниманіе еще Хвольсонъ. De Goeje въ своемъ изданіи Ибнъ-Ростэ ограничился замѣчаніемъ برداس vulgo برطاس ut pro بلكار vulgo بلغار (et برجان)"[1]). Мы здѣсь не беремся рѣшать вопроса о томъ, представляютъ ли эти два начертанія варьянты одного наименованія, или это два различныхъ термина, выражающіе наименованія двухъ различныхъ народностей[2]). Къ послѣднему предположенію насъ невольно приводитъ свидѣтельство нами найденнаго персидскаго географа X столѣтія[3]). Это свидѣтельство мы приведемъ въ текстѣ и переводѣ:

سخن اندر ناحیت برطاس مشرق و جنوبش غوزست و مغربش روذ آتلست و شمالش ناحیت بجناکست و مردمان وی مسلمانان اند و ایشانرا زبانیست خاصه و باذشاهرا مس خوانند خداوند خیمه و خرکاهند و ایشان سه کروهاند بهضولا (؟) اشکل بلکار و همه بایکدیکر بحرباند و چون دشمنی بدیذایذ بایکدیکر یار باشند

سخن اندر ناحیت براذاس ناحیتیست مشرق وی روذ آتل و جنوب وی خزران و مغربش وننذر و شمالش بجناك ترك و مردمانی اند کیش غوزیان دارند و خداوندان خرکاهند و مردهرا بسوزانند و اندر طاعت خزریان اند و خواستهٔ ایشان پوست دلهاست و ایشانرا دو ملکست کی بایکدیکر نیامیزند

Переводъ:

„*Слово объ области Буртасъ.* Съ востока и юга ея—Гузы, съ запада рѣка Атель, съ сѣвера область Печенѣговъ. Жители ея

---

*) Эта замѣтка, представляющая собою цѣнное дополненіе къ моей работѣ, написана по моей просьбѣ А. Г. Туманскимъ, которому выражаю сердечную признательность. *А. Марковъ.*

[1]) Op. c. ١٤٠ e.

[2]) Есть еще начертаніе برجاس „Берджасъ, у Ибнъ-аль-Кальби (Гаркави, 20).

[3]) О немъ см. *А. Туманскій,* Новооткрытый персидскій географъ X ст. (Записки Вост. отд. И. Р. Археологическаго О-ва, т. X. вып. I—IV).

мусульмане[1]). У нихъ особый языкъ. Государя называютъ *Месъ*[2]), владѣютъ кибитками и палатками. Они состоятъ изъ трехъ племенъ: ...дула[3]), Ашкель[4]), Балкаръ. Всѣ они другъ съ другомъ въ войнѣ, когда же появляется какой либо врагъ—другъ съ другомъ друзья.

Слово объ области Берherазасъ[5]). Эта область, съ востока которой рѣка Атель, съ юга ея Хазары, съ запада Венендеръ[6]), съ сѣвера же Печенѣги-Тюрки. Жители держатся религіи Гузовъ[7]). Владѣютъ шатрами. Мертвыхъ сжигаютъ. Повинуются Хазарамъ. Произведенія ихъ шкуры лѣсныхъ куницъ. У нихъ два царя, которые другъ съ другомъ не имѣютъ спошеній."

Такимъ образомъ мы видимъ, что нашъ географъ, единственный изъ всѣхъ мусульманскихъ географовъ, не только различаетъ два термина *Буртас* и *Бердас*, но даетъ двѣ, вполнѣ отличныхъ другъ отъ друга, характеристики этихъ народовъ. Созвучіе этихъ названій могло повести впослѣдствіи къ отожествленію этихъ наименованій, но есть нѣкоторыя основанія предполагать, что это отожествленіе у арабскихъ географовъ не обходилось безъ разногласій. На это наводитъ насъ одна фраза у Истахри (223), гдѣ онъ, говоря о Бурта-

---

[1]) О мусульманствѣ Буртасовъ говорятъ Бальхи (у Хвольсона, 74) и Якутъ I, 567).

[2]) У Ибнъ-Росте (141) мы имѣемъ наименованіе المش| аль-мешъ: возможно что нашъ авторъ счелъ первый слогъ этого имени *аль* за арабскій членъ, но зная, что это имя хана Алмуз'а, принявшаго въ 922 г. исламъ *).

*) Признавая вполнѣ вѣроятной догадку А. Г. Туманскаго, считаю вмѣстѣ съ тѣмъ не лишнимъ указать на то обстоятельство, что Ибнъ-Росте и за нимъ Аль-Бекри (Куникъ и Розенъ, с. 63) считаютъ Альмеш'а, Алмс'а царемъ Болгаръ, а не Буртасовъ. Нельзя ли объяснить имя или титулъ *Месъ* финскимъ словомъ, означающимъ „мужъ"? эст. mees; фин. mies,—hen: куролив. mies; лоп. mihha—мужъ, мужчина; лоп. miha (прил.)—мужественный. *А. Марковъ.*

[3]) Начертаніе въ текстѣ не поддается чтенію, но возможно сближеніе съ Берсула у Бекри и Бесула у Гардизи.

[4]) Ашкель у Бекри, но у Бекри это было раздѣленіе Волжскихъ Болгаръ (Куникъ и Розенъ, 156).

[5]) Начертаніе нашего автора вполнѣ соотвѣтствуетъ начертанію Ибнъ Ростэ, звукъ *з* въ русской транскрипціи есть тотъ ذ, который въ болѣе позднемъ персидскомъ языкѣ перешелъ въ د и передается нашимъ *д*.

[6]) У Ибнъ-аль-Асира (I, 243) Велндеръ, Веленderъ وليدر وللندر. См. письмо Хазарскаго царя Іосифа (у А. Гаркави, въ Трудахъ IV археол. съѣзда, стр, 253—4)—„Венентеръ, или Ванантаръ." Нашъ географъ въ другомъ мѣстѣ называетъ ихъ христіанами (л. 19а).

[7]) Переводъ этой фразы не совсѣмъ точенъ, такъ какъ въ текстѣ вѣроятно есть пропускъ.

сахъ, считаетъ нужнымъ указать, что между Хазарами и Буртасами нѣтъ никакого другого народа: وليس بينهم و بين الخزر امة اخرى. Но это раздвоеніе этническаго термина имѣется не только у мусульманскихъ географовъ. Мы можемъ указать, что Рюисбрукъ называлъ мордву—моксель, *мердасъ*, мердуасъ; наши же русскіе источники всегда отличали Буртасовъ отъ Мордвы, какъ это видно изъ статьи А. В. Маркова.

А. Туманскій.

Тифлисъ,
15 Марта 1914 г.

Приложеніе II.

Къ главамъ II—III.

Пѣсни, записанныя со словъ Кулеминой, крестьянки Нижегородскаго уѣзда, Терюшевской вол., села Сарлей.

1. Какъ во полѣ-полѣ, въ широкомъ раздольѣ,
Стояло же древо, всего лѣсу выше,
Всего зеленѣе, всего кудреватѣй,
Всего листоватѣй.
Какъ на этомъ древѣ сидятъ птицы райски,
Поютъ пѣсни царски.
Поютъ, распѣваютъ, царя величаютъ,
Царя-осударя, Петра Алексѣва.

2. Собирался Енька въ славную Макрашу съ пирогамъ:
«Поѣдемъ, Степанъ, поѣдемъ, братецъ,
Въ славную Макрашу съ пирогамъ».
— Не поѣду я, братецъ, не поѣду, родимый,
Нехорошій сонъ мнѣ сгрездился:
Будто-бъ мнѣ два ворона черныихъ
Мою буйную голову клюютъ.
Поѣхали. Имъ сѣра кошечка съ котятишкамъ дорогу перешла.
— Баялъ, братецъ, баялъ, родимый, толку не будетъ.—
(*Пошелъ къ подругѣ, его тутъ два брата и убили*).

3. На ключикѣ, на Грачикѣ, на той рѣчкѣ Сережѣ,
Стоялъ Вакуръ съ большой сестрой Чеворгой.
Не давали братъ *(съ сестрой?)* ни конному проѣзду,
Ни пѣшему проходу.

Свадебныя.

1. Ужъ куда вы привели меня, урведеи?
Ужъ вы хвалилися, выхвалялися
Николаевой хатой богатою:
Ужъ у насъ ли, у Николая, большая изба
Тесомъ крыта, а большой дворъ желѣзомъ крытъ.
Свекровь-матушка не ворчливая,
Свекоръ-батюшка глубоумной.
Ужъ и обманщикъ же ты, урведей-батюшка!
Какъ подъѣхала я къ широку двору . . . . .
Ужъ и встану я, привстану-то
На свои ноги рѣзвыя—головой верхи достану;
Головой тряхну, всѣ верхи смахну;
По ступенькамъ пойду, ступеньки ломятся.
А свекровь-матушка все ругается,
Свекоръ-батюшка заступается,
А золовушка надо мной младой надругается.
Какъ я топну ногой, всѣ пошли домой.

2. Какъ вѣнчали насъ, не спасибо вамъ,
Попамъ, дьякамъ, церковникамъ-дуракамъ.
Со нищимъ, съ прохожимъ на одиимъ подножьѣ стояла,
А нашимъ бы попамъ не меня вѣнчать,—
Лошадямъ корму давать.

3. *Невѣста на дѣвичникѣ.*
Благослови меня, небо и земля,
Святое деревцо—кудрявая рябина,
Съ мелкимъ кустикомъ, съ частымъ прутикомъ,
Съ почетнымъ листочкомъ.
Пущу голосъ на всю волость,
На всѣ четыре стороны.
Первый-отъ голосъ на восходъ солнца,
Второй голосъ на западъ солнца

Къ свѣтлому мѣсяцу.
Освѣти, мѣсяцъ, освѣти, свѣтлой,
У батюшки въ широкомъ дворикѣ.
Огрѣй, солнышко, огрѣй, красное,
Въ высокіимъ терему.
Отворяйтеся, широкія ворота,
Раздвигайтеся, точеные столбы.
Отворь, батюшка, отворь, родимой,
Теплу горницу, пущай свою вольницу.
Ваша вольница, безуемница,
Я безъ праздника праздникъ сдѣлала.
Въ темную ночь, въ глухую полно́чь
Подругъ собрала, съ подружками гулять ходила.
Я выходила въ огородъ, во градъ,
Въ батюшковъ зеленъ садъ.
Я вставала на луковну грядочку.
Я слушала во темныимъ лѣсу, во сыромъ бору.
Тамъ куковала горька кукушка.
Я не внималася, не вникалася
Въ кукушкиный голосокъ.
Еще слышала—соловей-злодѣй
Громку пѣсню распѣвалъ.
Я внималася, я вникалася
Въ соловьиный голосокъ.
Къ сѣнямъ подойду, своихъ подругъ разбужу:
Вставайте, мои милыя подружки,
Какъ вамъ спится, лежится?
А мнѣ, горькой несчастной,
Всю ноченьку не спала...
Отворь, матушка, отворь родимая,
Теплу горницу, впущай свою вольницу.
Наслала матушка, наслала родимая,
Мягкую постель--жгучая крапива.
Жгетъ она меня и палитъ, спокою не даетъ.
Дверями я хлопала, сѣнями топала,
Шабрамъ спокою не дала.
Приморозила я свои рученьки къ желѣзныимъ ко скобамъ,
Приморозила я свое бѣлое лицо къ чистому серебру,

Въ избу-то войду, другой голосъ заведу,
Свое горе разскажу.
Сядь, мамонька, сядь, милая, по правую сторону.
А ты, батюшка, а ты, родимой,—по лѣвую сторону.
А ты, братецъ, а ты, родимой, насупротивъ меня, на скамеечку сядь.
Не много я спала, да больно много мнѣ во снѣ видѣлось.
Слушай мамонька, слушай, родимая:
Середи двора широкаго быстра рѣка бѣжитъ,
А по той рѣкѣ, по быстрой,
Утка съ утятамъ плаваетъ,
Съ двумя малыми дѣтушками.
Однова утенка, малова дѣтенка,
Подъ крылышко прижиматъ,
А другого-то утенка водой заплескатъ,
Крыльями захлестатъ, прочь отгонятъ отъ себя.
Это, мамонька, не утка съ утятамъ,
Это ты, мамонька, меня прочь отгоняшь отъ себя.
4. На дворъ взойду, въ правую сторону взгляну:
Стоитъ роща, стоитъ дубовая,
Все бѣлый березнякъ.
А въ лѣвую-то сторону взгляну:
Стоитъ тутъ роща, стоитъ дубровная,
Все горькій осинникъ.
Въ правой-то сторонѣ гуляютъ все дѣвушки,
Головы гладки, шушпанья бѣлы....
А въ лѣвой-то сторонѣ, въ рощѣ дубровной,
Ходятъ бабы, все грязны, головы клошны.
5. *Невѣста* (молодая?) *ходитъ по деревнѣ.*
Благослови, печка-матка, родимая мамонька,
По твоимъ братьямъ, по моимъ дядьямъ,
По твоимъ сестрамъ, по моимъ теткамъ,
Съ милыми подружками походить, погулять.
—Гуляйте, дѣвушки, гуляйте, милыя.
Срѣть-ка, тетушка, срѣть-ка, милая,
Подхвати меня подъ бѣлыя рученьки,
Не идутъ мои рѣзвыя ноженьки.
Топишь ли тетушка, топишь ли, милая,

Теплую горницу, печешь ли горячіе блины?
Потчуй, тетушка, потчуй, милая, милыихъ подружекъ.
Спасибо тебѣ, тетушка, спасибо, милая,
На горячихъ на блинахъ.

(такъ же и къ дядьямъ и къ остальной родни.)

Подходятъ ко двору „большой" свахи.

Бойтесь, дѣвушки, бойтесь, милыя,
Этого дому, что темнаго острогу.
Тутъ живетъ черная цыганка-баимка.
Къ намъ ходила, моихъ отцовъ, матерей обаивала.

(«Конфузъ» ей).

Гуляйте, дѣвушки, гуляйте, милыя . . . . . . (*См. № 5*).

6. *Сирота невѣста.*

Ну-ка я похожу по широкому двору,
Погляжу по крутымъ верхамъ, по частымъ слегамъ,
По мелкимъ прутикамъ:
Не сидитъ ли гдѣ сизенькимъ голубкомъ
Родимая матушка, не спущаетъ ли
Горючія слезы на меня?
Находилась я, нагулялася съ милымъ подружкамъ
По твоимъ братьямъ, по моимъ дядьямъ.
Добро жаловать, добрые люди!
Вы шли ли, прошли ли широкимъ дворомъ,
Стоятъ ли столбы, держатъ ли шесты
Мою немудреньку одежку?

Вывели невѣсту изъ шабровъ.

Что я, батюшка, что, родимый, утресь шла —
Ничего не видала во дворѣ.
Али, батюшка, али, родимый, плетень ты заплелъ,
Стоялый дворъ завелъ?
Что, батюшка, что, родимый,
Впереди у тя за гости сидятъ?
Кабы, батюшка, кабы, родимый,
Твои братья, мои дядья,
Я бы издали всѣмъ кланяться стала.
Надѣнь-ка, батюшка, надѣнь, родимый,
Мою хорошую рубашку . . . .

7. Я боялася, опасалася
Божьей церкви Сярлей сёла,
Поповъ, дьяковъ, церковныихъ дураковъ.
Остыдили меня, опорочили
Попы, дьяки, церковные дураки.

8. *Пріѣдетъ.*

Бѣги, міръ-народъ, со всѣхъ тропъ-дорогъ
Къ Кулемину во дворъ.
Бѣгите, молодыхъ хвалите.
Со двора подите, все Павла (*свекра*) браните:
Привезъ Павелъ, привезъ Петровичъ
Себѣ сноху-недоросточка,
Малолѣточка, ростомъ маненька,
Хвостомъ тоненька, на личико худенька.

(Дружка станетъ тащить за рукавъ).
Не тащи, дружка, не тащи, урведей,
Рукавъ оторвешь, сряду оборвешь,
Людьми на смѣхъ сдѣлаешь.

Хмелемъ мечутъ, хмелемъ кидаютъ,
Дорогой товаръ теряютъ.
Этотъ бы товаръ въ Кискянтиновъ на базаръ.
На эти деньги купили бы маненьки ведерки.

(Ведутъ въ избу)
Богъ помочь тебѣ, Павелъ,
Богъ помочь, Петровичъ,
Впереди въ углу сидѣть,
Счеты въ рукахъ держать.
Что тебѣ, Павелъ, что, Петровичъ,
Дорога сноха пришла,
Я въ ушкахъ-сережкахъ
Долгіе плетни привезла.

Дальнее Константиново. Хуторъ Малиново Нижегородскаго уѣзда.
19 9-11/VIII 08.

Л. Пышкина.

Приложенie III.

(Къ главѣ III).

Русскія пѣсни изъ собранія А. В. Маркова.

1.

(*Записана въ Москвѣ студентомъ-филологомъ Савельевымъ*).

Молодецъ казанецъ, душа астраханецъ
Полюбилъ красну дѣвицу, хотѣлъ замужъ ее взять.
Ужъ онъ взять ее не взялъ, насмѣхаться надъ ней сталъ.
„Ты не смѣйся купецъ, душа-астраханецъ!
Ужъ и я, красна дѣвица, не совсѣмъ сирота:
У меня, красной дѣвицы, есть отецъ, есть и мать,
Есть два брата — сокола,
У большого *мово* брата есть два ворона коня,
У меньшого *мово* брата-два булатные ножа.
Я велю тебя, каналью, середи пути догнать,
Руки, ноги перломать.
Я изъ рукъ, я изъ ногъ кровать новую смощу,
Я изъ тѣла изъ *твово* пироговъ напеку,
Я изъ сала изъ *твово* свѣчи сальныя солью,
Я изъ крови изъ твоей пива-браги наварю,
Изъ буйной головы двѣ пивныя яндовы,
Позову къ себѣ гостей, все подруженекъ своихъ,
Посажаю я гостей всѣхъ на лавочку,
А родну твою сестрицу на скамеечку,
А сама я млада сяду на кроватушку,
Загадаю я загадку хитру, мудру,
Я хитру и мудру, неотгадливую:
„Я на милоемъ сижу, я на милаго гляжу,
Ужъ я милымъ угощаю, милымъ потчиваю,
Предо мной стоитъ милой, горитъ сальною свѣчой“.
Всѣ подруженьки мои призадумалися,
А родна его сестрица догадалася,
Что со пиру, со бесѣды подымалася.

«Говорила я тебѣ братъ: не ходи поздно гулять!
Пропадетъ твоя головка не за денежку,
Не за денежку, все за дѣвушку!»

18 $\frac{25}{X}$ 97.

2.

(Смол. губ., Гжатск. у., д. Нововасильевское. Запис. А. В. Марковымъ въ 1895 г.).

Начала пѣвица не запомнила.

. . . . три брата;
Поворо́ному коню, по булатному ножу.
Я велю, велю злодѣя середи пути догнати,
Середи пути догнати, его тѣло истерзать,
Руки, ноги поломать, буйну голову сломать.
Я изъ этыхъ йзъ рукъ, зъ ногъ—тесову нову кровать,
Я изъ буйной головы—двѣ пивныя ендовы[1]),
Я изъ ясныхъ изъ очей чару вызолочу,
Я изъ мяса изъ его пироговъ напеку,
Я изъ сала изъ него свѣчей сальнахъ палью.
Зазову я усихъ подружекъ на бесѣдушку къ себѣ.
„Ужъ вы милаи подружки, загадать ли вамъ загадку
Не хитру́ю, не мудрую, не разгадливаю:
На столѣ милый стоитъ, во свѣчи́ милый горитъ;
Подношу я стаканъ водки—дружкомъ потчиваю?“
Какъ одна-то воръ-подружка догадалася,
Изъ бесѣдушки подымалася:
—Эка курва, эка дура! загубила молодца,
Загубила молодца, астраханскаво купца,
Моево брата родново, своево друга́ мило́во.—

3.

(Смол. губ., Вяз. у., с. Рыхлово. 1893 г.).

Ахъ ты поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое широкое!
Ничево жъ ты, поле, не споро̀дило;
Спороди́ло, поле, одинъ кустъ ракитовый.

---

[1]) Въ отрывкѣ изъ Волоколамскаго у.: „Изъ твово-то я сала свѣчей натоплю, изъ твоей головы сдѣлаю онтовы. „Въ отрывкѣ Дмитр. у. „сдѣлаю изъ головы ендову“.

Какъ подъ тѣмъ подъ кустомъ лежитъ милъ убитъ,
Не убитый лежитъ, весь израненный:
На груди у нево пуля быстрая,
Въ головахъ у нево сабля вострая,
А въ ногахъ у нево ево вѣрный конь.
„Ужъ ты конь, ты мой конь, лошадь вѣрная моя!
Ты не бей копытòмъ и не рой земли,
Не достань воды.
Ты бѣжи, мой конь, во Россію жить,
Отнеси, мой конь, моей матушкѣ низкòй поклонъ,
А женѣ молодой вѣсти-радости:
Что женился я, добрый молодецъ,
Женила меня пуля быстрая,
Обвѣнчала меня сабля вострая,
А постеля моя зеленá трава,
Одѣяло мое роса утренняя,
Молодая жена сабля вострая.“

(Кромѣ указанныхъ въ текстѣ варіантовъ, см. еще Этнограф. Сборникъ, VI, ст. Потанина, 108—9).

4.

(Моск. губ., Колом. у., дер. Костомарово. 1895 г.).

Ѣхалъ-то казакъ онъ долинами,
Онъ долинами, луговинами,
Аршавою и Державою,
Онъ Турецкою, Молодецкою[1]).
Подъѣзжалъ-то казакъ ко быстрòй рѣчки.
Вынимаитъ казакъ саблю востраю,
Изъ сабли вострой онъ огонь высякалъ,
На своево коня онъ накладывалъ,
Своему коню понаказывалъ:
„Ты бѣги же, бѣги, конь, ты бѣги, мой воропой,
Ты бѣги, мой воропой, въ землю Русскаю,
Въ землю Русскую, Петербурскаю.
Не давайси, мой конь, непріятелю,
Поддайси, мой конь, отцу съ матерьюй родной,
Ты скажи, мой конь, отцу съ матерьюй поклонъ,

[1]) Вѣроятно, вмѣсто «Молдавецкою».

Молодой женѣ—ей особенная:
Что женился твой мужъ на чужой сторонѣ,
На чужой сторонѣ на иной женѣ:
Ужъ онъ взялъ-привелъ саблю вострую".

5.

(Тул. губ., Черник. у., д. Сторожевая. 1894 г.)

Не хотѣлось красной дѣвкѣ
За разбойничка замужъ пойтить.
Собирался воръ-разбойникъ
Со вечера на разбой,
Со полуночи разбойникъ
На дорожку выходилъ,
Ко бѣлу́ свѣту разбойникъ
Онъ двянадцать коней велъ;
На тринадцатомъ конёчку
Самъ разбойникъ-воръ сидить.
Подъѣзжаить воръ-разбойникъ
Ко широкому двору.
Какъ ударилъ воръ-разбойникъ
Копьёмъ новымъ въ ворота́:
„Отворяй, жана, воро́та,
Пушшай молодца на дворъ.
Принимай, жана, подарки,
Не развёртывай, примай!"
Не устерпѣла, развярнула—
Чуть опомнилась млада.
— Погубитель-воръ-разбойникъ,
На что братца мово погубилъ?—
„Я на первомъ на случа́ѣ
Отцу съ матерью не сдалъ[1])".

6.

(Олон. губ., Каргоп. у., Мелент. вол., д. Малый Палъ. 1898 г.)

Ты таланъ, ты мой худой таланъ,
Таланъ, уцесть, горе-горькое житьё,
Безталаньицё великоё!
Ты куды, уцесть, дивалась отъ меня?

---

[1]) Вмѣсто „не сдамъ".

Въ тёмномъ лиси заблудиласе,
Али въ цюжихъ людехъ пріосталасе?
Полоса, ты моя полосынька,
Полоса, земля не паханая,
Не пахана, не боронепая!
Запросваталъ меня батюшко
За вора, за розбойника,
За ноцьново подорожника.
Онъ со вецера добра коня поилъ,
Къ утру, къ свѣту домой приходилъ...

(Конца пѣвица не помнила. Варіанты, кромѣ указанныхъ въ текстѣ: Васнецовъ, Пѣсни сѣверо-восточной Россіи, 77; Варш. Губ. Вѣд. 1897 г., №№ 31, 33, 37, Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, 60; Довнаръ-Запольскій, Пѣсни пинчуковъ, № 342).

7.

(Рязан. губ., Мих. у., д. Лукьяновка. 1894 г.)

Ты рябинушка моя раскудрявая!
Ты не стой, не стой надъ рѣчкой быстрóй.
Быстра рѣченька бѣжитъ, не утониста,
Хушь утониста, она врозь разóйдется.
Тутъ зайдутъ, зайдутъ тучи грозныи,
Тутъ прольютъ, прольютъ дожди сильныи—
Тутъ расплачется одинъ молодой солдатъ
Передъ полкомъ, полкомъ, скажемъ, передъ полковничкомъ:
„Ты полковничекъ, ты нашъ рóдный батюшка!
Ты пусти, пусти меня изъ полку домой.
У меня въ домѣ сдѣлалось несчастьице,
Сдѣлалось несчастьице, скажемъ, нездоровьице:
Рóдный батюшка онъ въ гробу лежитъ,
Рóдна матушка она во сырой землѣ,
Молода жена она встосковалася,
Мелки дѣтушки слезно плакали“.

8.

(Черниг. губ., Старод. у., с. Кустичи-Бряновы. 1897 г.)

Калиница, ты малиница!
Ты не стой, не стой на горѣ крутой,
Не спускай листье на сине море.
На синемъ на мори корабель плыветь,

Корабель плыветь, ажъ вода реветь.
Что ю томъ корабли три полка солдатъ,
Три полка солдатъ, молодыхъ ребятъ.
Ахвицеръ-майёръ Богу молитца;
Рядовой солдатъ домой проситца:
Ахвицеръ ты майёръ, отпусти домой,
Отпусти домой къ отцу, къ мать-родной,
Къ женѣ молодой, къ дробнымъ дѣточкамъ!»

9.

(Смол. губ., Дорогобуж. у., с. Ерилово. 1893 г.)
Солдатушки бравыи, ноньче набра́дены,
У походъ пошли, они пѣсню грянули:
„Сторона ль наша, сторонушка,
Сторона ль наша родимая!
Полоса ль наша, полосынька,
Полоса ль наша не пахана,
Не пахана, не боронена!
И трава наша, травушка не кошена!
Нивушка не сушена!»

Того же автора:

Бѣломорскія былины. М. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Бытовыя черты русскихъ былинъ. М. 1904. Ц. 1 р.

Матеріалы, собр. въ Арханг. губ. Марковымъ, Масловымъ и Богословскимъ. Ч. I. М. 1905. Ц. 2 р. (II ч. распродана).

Изъ исторіи русскаго былевого эпоса. Вып. I. Ц. 50 к. Вып. II. М. 1907. Ц. 75 коп.

Поэзія В. Новгорода и ея остатки въ сѣверной Россіи. Харьковъ. 1909. Ц. 30 к.

Повѣсть о Волотѣ и ея отношеніе къ повѣсти о св. градѣ Іерусалимѣ и къ стиху о Голубиной книгѣ. Спб. 1913. Ц. 30 к.

2007041702